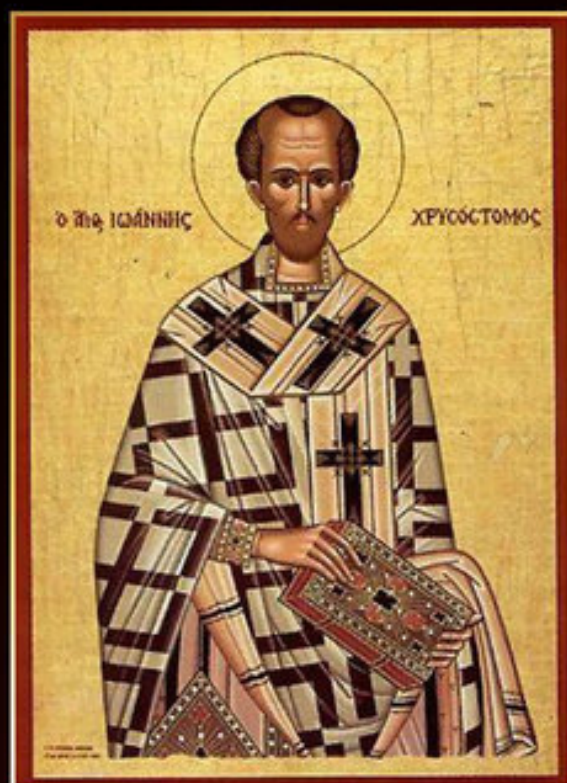

СВЯТИТЕЛЬ Иоанн Златоуст

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ Том I

Святитель Иоанн Златоуст

Полное собрание творений. Том I

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

2015

Златоуст С.

Полное собрание творений. Том I / С. Златоуст —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», 2015

Иоанн Златоуст (347–407) известен как величайший христианский мыслитель, один из троих Учителей церкви (наряду с Василием Великим и Григорием Богословом), сооснователь Константинопольского патриархата, человек, вера которого была сильнее мук и смерти. Данная книга представляет собой электронный вариант первого тома 12-томного Синодального издания «Полного собрания творений святителя» Иоанна Златоуста, которое было выпущено в Российской империи с 1895 по 1906 гг. Тексты, представленные здесь, посвящены духовным и религиозным проблемам, содержат размышления и поучения о внутреннем богатстве человека, о телесной и духовной чистоте, о моральности и любви к Богу.

© Златоуст С., 2015
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 2015

Содержание

Том I (Часть 1)	5
К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ УВЕЩАНИЕ 1-е	9
К ТОМУ ЖЕ ФЕОДОРУ УВЕЩАНИЕ 2-е	30
К ВРАЖДУЮЩИМ ПРОТИВ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРИВЛЕКАЮТ К МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ	35
СЛОВО ПЕРВОЕ	36
СЛОВО ВТОРОЕ К НЕВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ	44
СЛОВО ТРЕТЬЕ К ВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Святитель Иоанн Златоуст

Полное собрание творений

Том I (Часть 1)

I. Увещения к Феодору Падшему

УВЕЩАНИЕ ПЕРВОЕ. Скорбь о падении души друга. Не нужно отчаиваться в возможности восстания. – Надежда как цепь, привязывающая нас к небу. – Примеры восстания падших грешников. – Навуходоносор. – Ахав. – Манассия. – Ниневитяне. – Добрый разбойник. – Покаяние как всеочищающая сила. – Усилия демона ввергнуть нас в отчаяние. – Всякое покаяние находит себе вознаграждение. – Радости рая. – Муки ада. – Душа Феодора, болящая любовью к Гермione. – Исцелимость болезни. – Нетрудность покаяния. – Пример молодого Финикса. – Пример престарелого монаха. – Упование на милосердие Божие.

УВЕЩАНИЕ ВТОРОЕ. Возвращение Феодора и ответ на него. – Непозволительность попечения о семейных делах человеку, посвятившему себя на служение Богу. – Бегство из воинства Христова. – Необходимость заглаживания греха. – Слабость человеческой природы. – Падение и восстание. – Пример Давида. – Суетность благ мира сего. – Неудобства, связанные с царством, славой, богатством и браком. – Брак, при всей его священности, есть прелюбодеяние в деле Феодора. – Заботы семейной жизни. – Свобода последователей Христа. – Единственное несчастье для христианина – оскорблять Бога. – Заключение.

II. К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни

СЛОВО ПЕРВОЕ. Наказание противящимся Богу. Пример в лице народов, препятствовавших восстановлению храма после плена вавилонского. – То же и с противниками монашества. – Подробности гонения на иноков. – Сожаление о неразумии гонителей. – Они более вредят себе, чем гонимым. – Пример ап. Павла и Нерона. – Греховность гонительства. – Сравнение гонителей монашества с гонителями апостолов. – Постигшее их наказание. – Свидетельство И. Флавия. – Для спасения недостаточно одной веры; необходимы и добрые дела. – Число подлежащих осуждению. – Пример из истории всемирного потопа. – Извращенность мира.

СЛОВО ВТОРОЕ: К неверующему отцу. Истинно богатый тот, кто презирает все. – Мы прославляемся более добродетелью, чем богатством. – Тому, кто все оставил, никто не расположен вредить, да и не может, если бы захотел. – Кто пренебрегает всем земным, тот легче утешается в лишениях. – Христиане особенно процветают, когда находятся в угнетении. – Кратковременность наслаждений. – История отшельника, отец которого был язычник.

СЛОВО ТРЕТЬЕ: К верующему отцу. Необходимо заботиться о спасении ближнего. – Небрежение о детях есть зло. – Законы о воспитании детей даны от Бога. – Добродетель зависит от внутреннего расположения. – Различные степени спасения. – Развращение нравов. – Необходимость строгого любомудрия. – Необходимость законов и наказаний в государстве. – Жизнь иноков уподобляется ангельской. – Зло нечестия в соединении с красноречием. – Слова Сократа у Платона в начале его апологии. – Святые мужи преуспевали без всякого красноречия. – История юноши, наставляемого монахом. – Превосходство иноческой жизни над мирской. – Одинаковость правил для монаха и мирянина. – Мирянам труднее спастись. – Истинный отец тот, кто печется о спасении сына. – Раздающий деньги более истинный владелец их, чем

тот, кто скопляет их. – Необходимость приучаться к совершению добродетели с юных лет. – Польза временного пребывания юношей в монастыре. – История Анны и Самуила. – Увещание к родителям о воспитании сыновей в благочестии.

III. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни

Повод к написанию этого рассуждения. – Повелевающий деньгами и собственными страстями есть более царь, чем повелевающий народом и войском. – Брань монаха славнее брани царя. – Кто из них счастливее во время ночи. – Благотворительность монаха по сравнению с благотворительностью царя. Царь и монах перед лицом смерти и после нее.

IV. О сокрушении

СЛОВО ПЕРВОЕ – к Димитрию монаху. Повод к написанию слова. – Необходимость сокрушения вследствие господства греховности на земле. – Неосновательные извинения грешников. – Наказание злословящих. – Обязанность христианина любить своих врагов и делать им добро. – Толкование на прошение: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». – Объяснение слова: «не давайте святыни псам». Желание истинного блага. – Чудесная сила этого желания. – Ап. Павел как образец сокрушения и любви к Богу.

СЛОВО ВТОРОЕ – к Стелехию. Сокрушение окрыляет душу. – Описание души, вознесенной до неба на крыльях сокрушения. – Изъяснение слов ап. Павла: «для меня мир распят и я для мира». – Необычайная любовь ап. Павла к Иисусу Христу. – Любовь Давида ко Христу и его сокрушение. – Рассуждения на псалом 6. – Благость и промысление Божие о людях, как сильное побуждение к сокрушению. – Вселенная и человек, как царь ее.

V. К Стагирию подвижнику, одержимому демоном

СЛОВО ПЕРВОЕ. Ужасное испытание, постигшее Стагирия, и желание утешить его хотя письменно. – Попущение нам испытаний и польза как их, так и самого падения. – Примеры – Адама в раю, Каина, Ноя во время потопа, Авраама и Иосифа. – Испытание, как одно из средств, которыми Господь увеличивает нам заслуги и приводит наш разум в подчинение божественному. – Причина, почему Бог допускает благоденствие злых и огорчение добрых. – Неисповедимость путей Божиих. – Вечность, как праведное воздаяние добрым и злым. – Обязанность истинного христианина быть покорным Промыслу Божию. – Увещание Стагирию укрепляться в таком убеждении.

К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона. СЛОВО ВТОРОЕ. Увещание освободиться от угнетающих мыслей о самоубийстве. – Такие мысли не всегда приходят от демона, но иногда и от собственного уныния. – Нужно разгонять это уныние, и лучшее средство для этого – становиться выше мнений толпы и думать, что стыдиться должно только одного греха. – Награды уготованы в будущем, настоящее есть время трудов. – Это показывают примеры святых. – Пример Авраама. – О жертвоприношении Исаака. – Сыновья Эдипа. – Огорчение Иакова. – Пример из жизни Иосифа.

К тому же Стагирию об унынии. СЛОВО ТРЕТЬЕ. Пример Моисея. – Огорчения Моисея в пустыне. – Огорчения Иисуса Навина. – Пояснение предмета на примере Самуила. – Огорчения Давида. – Огорчения Даниила. – Невзгоды Илии и Елисея. – Огорчения ап. Павла. – Бедствия, которым подвергались друзья Стагирия. – Демофил и Аристомен. – Зрелище бед-

ственности человеческой в больницах и тюрьмах. – Бог испытывает нас для искупления наших грехов и более снисходителен к нам, чем мы сами.

VI. Слово к жившим вместе с девственницами

Непристойное злоупотребление в жизни духовенства. – Тщетные оправдания обычая. – Страсть, как основа его. – Неизбежное разжигание страстей. – Опровержение мнимых оправданий незаконного обычая. – Ничто так не увеселяет, как добрая совесть. – Большие требования Нового Завета по сравнению с Ветхим.

VII. Слово к девственницам, жившим вместе с мужчинами

Непристойность девственницам сожительствовать с мужчинами. – Отсутствие девственниц у греков или язычников. – Непристойность девственницам чрезмерно заботиться о теле и нарядах. – Замужество предпочтительнее худо хранимого девства. – Соблазняющий других уже тем самым грешит, хотя бы и не делал дурного. – Стремление женщин к тщеславию. – Нравы истинной девственницы.

VIII. Книга о девстве

У еретиков нет истинных девственниц, потому что их девы нецеломудренны и принимают девство из отвращения к браку, как к преступлению. – Они не могут рассчитывать на мзду, одинаковую с православными девственницами. – Апостол, советуя воздержание, не делает из него правила, а еретики, удаляющиеся от его учения, ставят своих учеников в положение хуже язычников. – Наконец, девство еретиков оскорбительно для Бога, потому что их девственницы, отрекшись от веры, не имеют чистого сердца. – Кроме того, состояние девства, чтобы иметь значение заслуги, требует полной свободы в деле вступления в брак – чего не бывает у еретиков, поносящих брак. – Церковь, напротив, одобряет брак и считает его средством укрощения страстей для тех, кто разумно пользуется им. – Лицам, не имеющим надобности в таком средстве, церковь советует не вступать в брак, хотя и не запрещает его. – Она осуждает и изгоняет из своих недр только тех, которые оскверняют святость брака. – Ибо брак доброе дело, но девство лучше, и оно настолько же выше брака, насколько ангелы выше людей. – Девство полезно верующему, и по первоначальному плану творения оно только и должно бы господствовать на земле, потому что грех, бывший причиной смерти, был также и причиной греха. – Возможность размножения людей без брака. – Безбрачное происхождение первых людей и ангелов. – Таковым же было бы и распространение людей, если бы не согрешили прародители. – И теперь брак позволяется только как врачевство против невоздержания. – Воздержание есть дар Божий, но оно не исключает и содействия самого человека. – Картина несчастных браков. – Увещание девственницам, как и вдовам, что после произнесения обета целомудрия нельзя вступать в брак, не погрешая тяжко. – Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. – Их взаимное подчинение есть тяжелая обязанность, и от нее они не могут избавляться иначе, как по взаимному согласию. – Лицемерные девственницы, уподобляющие себя неразумным девам. – Они будут лишены царства небесного. – Превосходство девства обнаруживается особенно в том, что оно облегчает нам совершение молитвы и добрых дел. – Неосновательность ссылки на Авраама в доказательство превосходства брака над девством. – Апостолы выше этого патриарха. – И богатый человек, состоящий в браке и занятый делами, также может вести жизнь праведную; но такие при-

меры редки. – Новый Завет требует большего совершенства, чем Ветхий, потому что в первом нам в большом изобилии даны дары и благодать Духа Святого.

IX. К молодой вдове

СЛОВО ПЕРВОЕ. Скорбь молодой вдовы Фирасия и утешение ей. – Бог печется о вдовах. – Достоинство вдовства почитается у христиан и язычников. – Радостность надежды и уверенности в том, что мы вновь увидим тех, кого любили. – Кратковременность земной жизни, сопровождающие ее бедствия и непрочность счастья. – Доказательство этого последнего положения. – Пример двух вдов богатых и высокопоставленных, которые после смерти своих мужей дошли до крайней бедственности. – Пример девяти императоров, царствовавших в Константинополе, из которых семеро погибли от насильственной смерти. – Изображение славы и блаженства, которыми наслаждается Фирасий на небесах.

К той же вдове. **СЛОВО ВТОРОЕ** о воздержании от второго брака. Изложение и опровержение трех оснований, которые обыкновенно заставляют вдов опять вступать в брак, именно надежды на лучшее состояние, привязанность миру и немощь плоти. – Цель слова – не порицание второго брака, допускаемого ап. Павлом и узакониваемого Церковью. Вдова, вступающая во второй брак, обнаруживает в себе слабость и чувственность, проявляет привязанность к земле и показывает, как не дорога ей память ее первого мужа. – Она не может любить второго мужа, как любила первого, и этот новый союз восстанавливает против нее и ее родителей, и ее слуг и особенно детей от ее первого мужа. – Поэтому с целью отклонить вдов от второбрачия законодатели нашли нужным лишить совершение второго брака всякой торжественности, показывая этим, что они допускают его только с сожалением. Похвала вдовству, которое приближается к девству, ибо таковому вдовству принадлежит одинаковая с девством слава и награда.

К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ УВЕЩАНИЕ 1-е

Феодор, к которому относятся предлагаемые Увещения, написанные около 369 года по Р. Х., был сверстником и другом Св. Иоанна Златоустого и вместе с ним в юности посвятил себя подвигам отшельнической жизни, но вскоре оставил их для занятий и удовольствий мира. Св. Иоанн в своих Увещениях призывал его к раскаянию изображением гибельности состояния грешников, кратковременности и тщетности настоящих благ, изложением грозных и утешительных истин Христианской веры и другими убеждениями, которые подействовали на падшего Феодора, так что он возвратился в общество отшельником и впоследствии был возведен в сан епископа мопсуестского.

«Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез» (Иер.9:1), благовременно сказать теперь и мне, и гораздо более, нежели тогда пророку; потому что я намерен оплакивать хотя не множество городов и не целые народы, но душу, которая стоит, а лучше сказать – и дороже множества народов. Если даже один исполняющий волю Божию лучше тысяч беззаконников, то, конечно, и ты прежде был лучше тысяч Иудейских. Посему никто не станет теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнейшие сетования, нежели какие изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушение города и не пленение беззаконных мужей, но опустошение священной души и разрушение и истребление христонского храма. Кто, зная хорошо, сожженную теперь диаволом, красоту ума твоего в то время, когда блистала она, не восстенал бы плачем пророка, – слыша, что варварские руки осквернили святое святых, и, подложив огонь, сожгли все – херувимов, ковчег, очистилище, скрижали каменные, стамну златую? Поистине, это несчастье во столько крат горестнее того, во сколько крат драгоценнее те символы, которые хранились в душе твоей. Этот храм святее того, потому что он блистал не золотом и серебром, а благодатию Духа, и, вместо ковчега и херувимов, в нем обитали Христос, и Его Отец, и Утешитель. А теперь уже не то: он теперь пусть и лишен прежней красоты и благолепия, потерял божественное и несказанное украшение, и лишился всякой безопасности и охраны: нет у него ни двери, ни запора, и он открыт для всех душепагубных и постыдных помыслов. Помысл ли гордости, помысл ли блуда, помысл ли сребролюбия, или еще гнуснейшие помыслы устремятся войти в него, – никто не помешает этому; а прежде, как небо недоступно всему этому, так (недоступна была) и чистота ума твоего. Может быть, слова мои покажутся невероятными некоторым из тех, кто видят теперь твое запустение и извращение; поэтому я и скорблю и сетую, и не перестану делать это, доколе опять не увижу тебя в прежнем блеске. Хотя людям и представляется это невозможным, но для Бога все возможно: потому что Он «из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа его; неплодную вселяет в дом мать, радуящуюся о детях?» (Пс.112:7–9). Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опять возвести тебя в прежнюю свободу, и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаяние обыкновенно ввергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души. Посему и Соломон не просто сказал: *всякий*, кто «достигнет до глубины зол», но только – один «нечестивый»: «когда достигнет нечестивый до глубины зол, нерадит» (Прит.18:3). Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали. Этот помысл, как бы какое ярмо, лежа на вые души и заставляя ее смотреть вниз, препятствует ей возводить взоры к своему Владыке. Но человеку мужественному и доблестному свойственно сокрушать это ярмо, прогонять от себя палача, который возложил его, и произносить слова пророка: «как очи рабы – на руку госпожи ее, так очи наши – к Господу, Богу нашему, доколе

Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением» (Пс.122:2,3). Истинно божественны эти наставления и внушения горняго любомудрия. «Насыщены», говорит он, «презрением» и потерпели многочисленные бедствия; однако, не перестанем возводить взоры свои к Богу и просить Его, доколе не получим просимого. Мужественной душе свойственно – не упасть и не отчаиваться пред множеством постигающих бедствий, и после многократных и безуспешных молитв не отступать, но ожидать «доколе Он помилует нас», как говорит блаженный Давид.

2. Дьявол для того и ввергает нас в помыслы отчаяния, чтобы истребить надежду на Бога, – этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к небу, это спасение погибающих душ. «В надежде», говорит (апостол), «мы спасены» (Рим. 8:24). Ибо оно, как бы какая крепкая цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, малопомалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Посему, если кто ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, пришедши и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца; и если мы примем его, то увлекаемые тяжестию и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол, где именно и находишься ты теперь, отвергнуши повеления кроткого и смиренного Господа и выполняя все приказания жестокого, свирепого и неумолимого врага нашего спасения, расторгши благое иго и сбросив легкое бремя, и вместо них наложив на себя цепи железные и повесив на шею свою «мельничный жернов» (Мф. 18:6). Где же ты остановишься, и когда перестанешь потоплять бедную душу свою, наложив на себя такую необходимость – непрестанно уноситься вниз? Женщина, отыскавшая одну драхму, пригласила соседок, принять участие в ея радости, сказав: «порадуйтесь со мною» (Лк. 15:9); а я теперь приглашу всех друзей и моих и твоих к противоположному, скажу не – «радуйтесь со мною», но – «плачьте со мною, подымите такой же плач, и вопите вместе с нами горьким голосом. Ибо нас постигла крайняя беда, не столько-то талантов золота выпало из руки моей и не множество драгоценных камней, но тот, кто, драгоценнее всего этого, плывши вместе с нами поэтому великому и пространному морю, не знаю как, свалился и упал в самую глубину гибели».

3. Тем, которые попытались бы удержать меня от сетования, я скажу словами пророка: «оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня» (Ис.22:4). Настоящий плач мой не таков, чтобы чрезмерность сетования навлекла на меня осуждение, но таков, что при нем не постыдились бы плакать, сетовать и отвергать всякое утешение даже (апостолы) Павел и Петр. Справедливо стал бы кто-нибудь обличать в большом малодушии тех, которые оплакивают обыкновенную смерть. Но когда, вместо тела, лежит омертвевшая душа, пораженная множеством ран, и в самой мертвенности являющая прежнее свое благородство, и благообразие, и красоту погасшую, то может ли кто быть столь жестоким и бесчувственным, чтобы, вместо плача и сетований, предлагать слова утешения? Как там не плакать, так здесь плакать свойственно любомудрию. Тот, кто достигал неба, смеялся над суетою жизни, взирал на красоты телесные как на каменные, кто пренебрегал золотом как пылью, а всяким удовольствием как грязью, – тот, неожиданно для нас, объятый пламенем нечистой похоти, потерял и здоровье, и мужество, и всякую красоту, и сделался рабом наслаждений. О нем ли не плакать, скажи мне, о нем ли не сокрушаться, доколе опять не будет он нашим? И свойственно ли это человеческой душе? Отмены телесной смерти невозможно достигнуть на земле, и однако это не удерживает сетующих от плача; а душевную смерть только и можно уничтожить здесь: «во гробе», говорит (Давид), «кто будет славить Тебя» (Пс.6:6)? Посему не будет ли великим безрассудством с нашей стороны, если в то время, как оплакивающие смерть телесную сетуют о ней с такою силою, хотя и знают, что слезами не воскресить им умершего, – мы не будем выражать ничего подобного, хотя знаем, что часто бывает надежда возвратить погибшую душу к прежней жизни? Ибо многие, и ныне и во времена наших предков, уклонившись от пря-

мого положения и свергнувшись с тесного пути, опять восстали настолько, что последующим покрыли прежнее, получили награду, украсились венцом, прославлены с победителями и причислены к лику святых. Доколе кто остается в пламени наслаждений, дотоле ему, хотя бы он имел множество таких примеров, представляется это делом невозможным; но как только он немного начнет выходить оттуда, то, постоянно идя вперед, силу огня оставит позади себя, а впереди пред собою почувствует прохладу и великое облегчение. Только не будем отчаиваться, не будем отказываться от возвращения: потому что допустившему себя до такого состояния, хотя бы одарен был безмерною силою и ревностию, они будут бесполезны. Кто уже затворил для себя дверь покаяния и заградил вход на попрание (подвижничества), как он будет в состоянии, находясь вне его, сделать малое или великое добро? Посему-то лукавый предпринимает все, чтобы внушить нам этот помысл: после этого уже не нужны будут ему усилия и труды для нашего поражения, когда сами лежащие и падшие не хотят противиться ему. Кто мог избежать этих уз, тот и силу свою сохранит и до последнего издыхания не перестанет сражаться с ним, и хотя бы испытал множество других падений, опять восстанет и сокрушит врага. Напротив, кто связан помыслами отчаяния и обессилил себя, тот как будет в состоянии победить врага и противостоять ему, когда сам бежит от него?

4. Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницею, мужеложником, сквернословцем и т. п., – и такого я не похваляю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь. Если бы гнев Божий был страстию, то справедливо иной стал бы отчаиваться, как не имеющий возможности погасить пламень, который он возжег столь многими злодеяниями; но так как Божество бесстрастно, и наказывает ли, поражает ли, делает это не с гневом, но по промыслу и великому человеколюбию, то надлежит иметь крепкое дерзновение и уповать на силу покаяния. Бог не за Себя мстит тем, которые согрешили против Него; ибо никакой вред не достигает до существа Его; но при этом имеет в виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращения, продолжая оказывать Ему пренебрежение и презрение. Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак; так и привыкший пренебрегать Всемоущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред. Посему Бог и угрожает нам наказаниями, и часто посылает их – не для того, чтобы отомстить за Себя, но чтобы нас привлечь к Себе. Ибо и врач не сетует и не обижается наносимыми ему от больных оскорблениями, но всячески старается остановить их бесчинства, имея в виду не свою, а их пользу; и если они покажут хотя немного благоразумия и здравого смысла, он радуется и веселится, и тем сильнее употребляет лекарства, не для того, чтобы отомстить им за прежнее, но чтобы доставить больше пользы и довести их до совершенного выздоровления. Так и Бог, когда мы впадем в крайнее безумие, и говорит и делает все не из мести за прежнее, но желая избавить нас от недуга, в чем можно убедиться и посредством здравого смысла.

5. Если же кто и после этого будет сомневаться, то мы уверим его в том и божественным Писанием. Кто, скажи мне, был преступнее царя Вавилонского? Он, после того, как уже настолько испытал силу Божию, что поклонился пророку Его, и приказал «принести ему дары и благовонные курения» (Дан.2:46), опять предался прежней гордости, и связав свергнул в печь тех, которые не почтили его больше Бога. И однако этого жестокого и нечестивого (Царя), более зверя, нежели человека, (Бог) призывает к покаянию и доставляет ему еще другия побуждения к исправлению: во-первых, самое чудо, совершившееся в печи, а затем видение, которое видел царь, а истолковал Даниил, достаточное для того, чтобы преклонить и каменную душу; а сверх того, после увещания делами, и сам пророк дал ему такой совет: «посему, царь, да будет благоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным;

вот чем может продлиться мир твой» (Дан.4:24). Что говоришь ты, премудрый и блаженный? Ужели возможен и после такого отпадения возврат, и после такой болезни здравие, и после такого безумства надежда образумиться? Царь сам уже отнял у себя всякую надежду, тем, во-первых, что не познал Создавшего его и возведшего на такую честь, хотя и имел сведения о многих доказательствах силы и промысла Его и на себе самом, и на своих предках; а после того еще тем, что, получив ясные свидетельства мудрости и предведения Божия, и видев, как ниспровергнуты были и магия, и астрономия, и действия всякого диавольского волхвования, оказался хуже прежнего. Ибо, чего не могли изъяснить мудрые волхвы, газарины, и что признали они превышающим природу человеческую, то Бог изъяснил ему через пленного отрока, и этим чудом довел его до того, что он не только сам уверовал, но и сделался ясным проповедником и наставником этого верования для всей вселенной. Таким образом, если он и прежде этого знамения не заслуживал прощения за свое неведение о Боге, то гораздо более после такого чуда, после собственного исповедания, и преподанного наставления другим. Если бы он не был точно уверен, что истинный Бог – один, то и не оказал бы такой чести рабу Его, и другим не дал бы такого же приказания. И однако, после такого исповедания, он опять впал в идолослужение, и тот, кто, падши на лицо, поклонился рабу Божию, дошел до такого безумия, что рабов Божиих, не поклонившихся ему, ввергнул в печь. Что же? Отомстил ли Бог отступнику, как надлежало отмстить? Напротив, Он представил ему еще большие доказательства своего могущества, чтобы привести его, после такого безумства, опять в прежнее состояние. И что особенно удивительно: дабы чудные события, по чрезмерности своей, не показались невероятными, Он сотворил знамение не Над другим чем-либо, а Над тою пещью, которую разжег сам царь для отроков, и в которую, связав, ввергнул их. Конечно, чудесным и необычайным было бы и то, если бы только огонь был погашен. Но Человеколюбец, дабы внушить больше страха, произвести больше изумления и совершенно прекратить ослепление царя, сделал большее и необычайнейшее чудо. Попустив, чтобы огонь разожен был настолько, насколько хотелось царю, Он являет свое могущество в том, что, не уничтожая приготовлений врагов, делает готовое недействительным. А чтобы кто-нибудь, увидев отроков победившими пламень, не счел этого привидением, (Бог) попустил, чтобы опалены были ввергнувшие их, показывая с одной стороны то, что видимый пламень был действительно огонь, иначе бы не пожрал нефть, и смолу, и хворост, и столько тел; а с другой – то, что нет ничего сильнее Его повеления, но что природа всего сущего повинуется приведшему ее из небытия в бытие, – что тогда именно и обнаружилось: ибо огонь, приняв тела тленные, не коснулся их как бы нетленных, и возвратил жертву в целости, даже еще в большем блеске. Ибо, как бы цари из чертогов царских, вышли из печи эти отроки, так что никто уже не хотел смотреть на царя, но взоры всех обратились от него на чудное явление; и ни диадима, ни порфира, ни что другое из царского великолепия не привлекало столько к себе толпы неверных, сколько вид этих верных, долго пробывших в огне, но вышедших из него так, как будто это случилось с ними во сне. Даже и волосы, которые по природе у нас удобосожигаемое всего, крепче адаманта превозмогли тогда всепоедающий пламень. И не это одно дивно, что, быв ввергнуты в средину пламени, они нисколько не пострадали, но и то, что они еще непрестанно говорили; между тем всем, бывавшим при людях сожигаемых, известно, что пока они держат уста сомкнутыми, то хотя на краткое время противятся сожжению, но лишь случится им раскрыть уста, душа тотчас же вылетает из тела. И, однако после столь многих совершившихся чудес, и когда все присутствовавшие и видевшие пришли в изумление, а отсутствовавшие извещены были об этом письменно, – царь, который учил других, сам остался неисправимым и опять обратился к прежним порокам. И при всем этом Бог не наказал его, но еще долго терпел, вразумляя его и чрез сновидения, и чрез пророка. Только когда уже он никаким из этих способов нимало не исправился, Бог, наконец, наводит на него казнь, не отмщая впрочем за прошедшее, но пресекая будущее зло, и удерживая порок от преуспевания; притом наказал не навсегда, но после нескольких лет наказания опять возвел его

в прежнюю честь, так что он от наказания не потерпел никакого вреда, а приобрел величайшее из всех благ – утверждение в вере в Бога и раскаяние в прежних своих грехах.

6. Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем: если кто окажет не полное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает; даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исаии, которые он сказал о народе иудейском: «за грех человеколюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отворотившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его» (Ис.57:17,18). Засвидетельствует нам это и тот нечестивый царь, который женою своею был увлечен к преступлениям, но как только заплакал, оделся во вретище и раскаялся в своих беззакониях, то и приклонил к себе милость Божию, так что избавился от всех угрожавших бедствий. «И было слово Господне к Илии Фесвитянину, и сказал Господь: видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни» (3Цар.21:28,29). Опять позже Манассия, который безумием и жестокостию превзошел всех, ниспроверг законное богослужение, затворил храм, способствовал процветанию идольского заблуждения и был нечестивее всех предшественников, – когда потом раскаялся, был причислен к друзьям Божиим (2 Пар. 33:12). Если бы он, посмотрев на тяжесть своих беззаконий, отчаялся в своем обращении и исправлении, то лишился бы всего, что получил после; а теперь возрев, вместо чрезмерности своих грехов, на беспредельность благоутробия Божия, и расторгши узы диавольские, он восстал, подвизался и доброе течение совершил. Впрочем, Бог отсекает помыслы отчаяния не только тем, что было с этими царями, но и словами пророка: «о, если бы вы ныне послушали гласа Его: «не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне»» (Пс.94:7,8). Выражение «ныне» можно относить ко всей жизни, даже, если угодно, и к старости; потому что покаяние ценится не по продолжению времени, но по душевному расположению. Так для ниневитян, не было нужды во многих днях, чтобы загладить грех свой, но краткого дневного срока было достаточно для изглаждения беззакония их; и разбойник не в течение долгого времени достиг входа в рай, но во столько времени смыл все грехи всей своей жизни, сколько употребляется его на произнесение одного слова, получил еще прежде апостолов награду прославления. Посмотрим и на мучеников, которые не во многие годы, но в несколько дней, а часто и в один только день, удостоивались светлых венцов.

7. Итак, нам всегда нужно иметь бодрость и великое усердие, и если так настроим совесть свою, что возненавидим прежнюю порочную жизнь и изберем противоположный путь с такою силою, какой хочет и требует Бог; то от времени ни чего не потеряем, так как многие, быв последними, опередили первых. Тяжко не падение, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать, – то, чтобы произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли. Таким людям и пророк, недоумевая, говорит: «разве, упав, не встанут и, совратившись с дороги, не возвращаются?» (Иер.8:4). Если же ты спросишь нас о тех, которые после уверования опять пали, то все сказанное относится и к ним; ибо, кто пал, тот был прежде в числе стоявших, а не лежащих, иначе как бы он и пал? И еще будет сказано, отчасти притчами, а отчасти яснейшими делами и словами. Так овца, которая отделилась от девяноста девяти и потом опять была приведена назад, изображает нам не иное что, как отпадение и возвращение верных, потому что она была овца, и притом не другого какого-нибудь стада, но из числа прочих овец, и прежде паслась пастырем, и заблудилась не обычным образом, но в горах и стремнинах, т. е. на пути каком-то далеком и весьма уклонившемся от прямой дороги. Но пастырь оставил ли ее блуждать? Никак; он привел ее назад, не пригнав и не бив, но взяв на рамена свои. Ибо как лучшие врачи с великим попечением возвращают здоровье одержимым продолжительною болезнью, не только врачуя их по правилам врачевания, но иногда и

доставляя им удовольствие, так и Бог, весьма испорченных людей обращает к добродетели не вдруг и насильственно, но тихо и мало-помалу, и всегда помогая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает не только эта притча о блудном сыне. Он также был не чужой кто-либо, но сын и брат благонравного сына, и низринутся не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность, – богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а изнуренный голодом, погиб бы самою жалкою смертью. А так как он раскаялся и не впал в отчаяние, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облекается в прекрасную одежду и получает больше непадшего брата. Ибо «столько лет», говорил этот, «служу тебе и никогда не преступал приказаний твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка» (Лук.15:29,30). Такова сила покаяния!

8. Имея такие примеры, не станем коснеть в пороках и откладывать обращение, но скажем и мы: «иду ко отцу моему», и приблизимся к Богу. Он сам никогда не отвращается от нас, но мы удаляем себя от Него: «разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?» (Иер.23:23). И опять чрез пророка укоряя иудеев, говорит: «беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас» (Ис.59:2). Если же это удаляет нас от Бога, то разрушим эту пагубную преграду, и – ничто не будет препятствовать нам быть близко к Богу. Послушай, как это происходило на самом деле. У коринфян один знатный человек совершил такой грех, какого не слышно было и между язычниками. Он был верный и из близких ко Христу, а некоторые говорят даже, что он был из числа священнослужителей. Что же? Исключил ли его Павел из общества спасаемых? Никак: сам он много раз, и там, и здесь, укорял коринфян за то, что они не привели его в покаяние; а желая показать нам, что нет греха, который бы не мог быть уврачеван, опять об этом человеке, который согрешил хуже язычников, сказал: «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор.5:5). Но это еще до покаяния; когда же тот покался, то «для такого довольно», говорит, «сего наказания от многих» (2Кор.2:6) – и предписал утешить его и принять его покаяние, дабы не возобладал им сатана. И целый народ галатов, которые пали после того, как уже веровали, совершали знамения и перенесли много искушений за веру во Христа, он восстанавливает опять. Что они творили чудеса, это выразил он словами: «подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?» (Гал.3:5); и что они много страдали за веру, это выразил словами: «столь многое потерпели вы неужели без пользы?» (Гал.3:4). Между тем после такого преуспевания они совершили грех, который мог отчуждать их от Христа, и о котором сам (Павел) выражается так: «вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал.5:2); и еще: «оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» (Гал.5:4). И однако, после такого падения, он с благорасположением говорит им: «дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал.4:19), показывая этим, что в нас, и после крайнего растления, может опять изобразиться Христос, потому что Он не хочет «смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез.33:11).

9. Обратимся же, о, любезная глава! и будем исполнять волю Божию. Он для того и создал нас и привел в бытие, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну и предать огню; это не для нас, а для диавола, для нас же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говорит «тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство,

уготованное вам от создания мира»; а «тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Матф.25:34,41). Итак, геенна приготовлена не для нас, но для него и ангелов его; а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: доколе мы пребываем здесь, то, хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыться все, раскаявшись во грехах; но когда отойдем туда, то, хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы не скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объатым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач, – что «между нами и вами утверждена великая пропасть» (Лук.16:26). Покаемся же здесь, увещаю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем в аду, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а доколе мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Посему и диавол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния: ибо знает, что если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покающийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судиею. Если грехи будут исследоваться с такою строгостью, что мы понесем наказание и за слова и за желания; то гораздо более добрые дела, малы ли будут, или велики, вменятся нам в то время. Итак, если ты даже не в состоянии будешь возвратиться к прежней строгой жизни, но хотя бы немного отвлекся от настоящего недуга и неводержности, то и это не будет бесполезно; только положи начало делу и приступи к подвигам, а пока будешь оставаться вне, действительно будет казаться тебе трудным и неудобоисполнимым. Прежде опыта, даже весьма легкие и сносные дела обыкновенно представляются нам весьма трудными; но когда мы испытаем их и примемся за них смело, то большая часть трудности исчезает, и бодрость, заступив место опасения и отчаяния, уменьшает страх, увеличивает удобоисполнимость и укрепляет добрые надежды. Потому и Иуду лукавый отклонил от этого, чтобы он, сделав надлежащее начало, не возвратился чрез покаяние туда, откуда ниспал. Подлинно я сказал бы, – хотя и странны такие слова, – что и его грех не выше помощи, получаемой нами от покаяния. Посему прошу и умоляю, исторгни из души всякую сатанинскую мысль и обратись к этому спасительному средству. Если бы я советовал тебе тотчас и вдруг взойти опять на прежнюю высоту, то ты справедливо негодовал бы на это, как на весьма трудное дело; но если теперь я требую только того, чтобы не прибавлять к настоящим грехам, но, восстав возвратиться оттуда на противоположный путь, то почему же ты медлишь, и уклоняешься и сопротивляешься? Не видал ли ты, как умирали жившие в роскоши, пьянстве, играх и прочих удовольствиях жизни? Где теперь те, которые выступали по торжищу с великою надменностью и многочисленными спутниками, одевались в шелковые одежды, издавали от себя благовоние мастей, кормили нахлебников и постоянно прикованы были к зрелищам? Где теперь эта пышность их? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантов, угодничество ласкателей, громкий смех, беспечность души, рассеянность мысли, жизнь изнеженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетело все это? Чем стало это тело, которое устаивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прах, на червей, посмотри на безобразие этого места, и – горько восстанай. И о, если бы наказание ограничилось только этим прахом! Но от могилы и этих червей теперь перенесись мыслью к тому червю неумирающему, к огню неугасимому, к скрежету зубов, к тьме крошечной, к скорби и сокрушению, к притче о Лазаре и богатом, который, владея прежде таким богатством и одеваясь в порфиру, не мог получить и капли воды, и притом находился в такой крайности. Все здешнее несколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудокопнях или несущие какое-либо другое еще тягчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, несколько не рады

бывают своим снам; так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание. Подумай об этом, и тот огонь противопоставив объемлющему тебя теперь пламени вожелений, избавься, наконец, от этой печи. Ибо кто хорошо погасил здешнюю печь, тот не испытает и тамошней; а кто здешней не одолел, тем, по отшествии отсюда, сильнее овладеет тамошняя. Насколько бы времени хотелось тебе продлить наслаждение настоящею жизнью? Я думаю, что тебе осталось не более пятидесяти лет, чтобы достигнуть крайней старости, но и это еще неизвестно нам; потому что те, которые не могут быть уверены в продолжении своей жизни даже до вечера, как могут поручиться за столько лет? И не одно это не известно, – не известна и перемена обстоятельств: часто с жизнью, продолжающеюся много времени, не продолжают вместе и удовольствия, но как только появляются, так и исчезают. Впрочем, если угодно, пусть будет так, что ты проживешь столько лет и не испытаешь никакой перемены: что же это в сравнении с бесконечными веками и с теми тяжкими и невыносимыми наказаниями? Здесь и хорошее и худое имеет конец, и притом весьма скорый, а там – то и другое продолжается в бесконечные веки, а по качеству своему настолько отлично от здешнего, что и сказать невозможно.

10. Услышав об огне, не подумай, будто тамошний огонь таков же, каков здешний: этот, охватив что-либо, сжигает и погасает; а тот, кого однажды захватит, жжет постоянно, и никогда не перестает, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием, не к славе, но чтобы иметь всегдашнего спутника тамошнего мучения; а сколь это ужасно, того никогда не может изобразить слово, а только из опытного ощущения малых страданий можно получить некоторое слабое понятие о тех великих мучениях. Когда бываешь в бане, натопленной сильнее надлежащего, то представь себе огонь геенский, и если когда будешь гореть в сильной горячке, то перенесись мыслию к тому пламени: и тогда будешь в состоянии хорошо понять это различие. Если даже баня и горячка так мучат и беспокоят нас, то, что мы будем чувствовать тогда, когда попадем в ту огненную реку, которая будет течь пред страшным судилищем? Будем скрежетать зубами от страданий и нестерпимых мучений, но никто не поможет нам. Будем крепко стенать, когда пламень все сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и великой пустыни. А что сказать о тех ужасах, которые мрак будет наводить на наши души? Ибо тот огонь как не истребляет, так и не освещает; иначе не было бы мрака. Вообще одно только то время с достаточностью может показать имеющие тогда постигнуть нас смущение и трепетание, изнурение и иступление великое. Многочисленны и разнообразны тамошние муки, и потоки казней отовсюду объемлют душу. Если кто скажет: как же душа может быть достаточною для такого множества мучений и оставаться в наказаниях бесконечные веки? – тот пусть представит, что бывает здесь, – как часто многие выдерживали продолжительную и тяжкую болезнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тело истощилось, так что, если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получит нетленное и неразрушимое тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность. Здесь не может быть того и другого вместе, то есть, жестокости и продолжительности мучений, но одно другому противится по причине тленности тела и неспособности одновременно переносить то и другое; а когда, наконец, наступит нетление, это сопротивление прекратится и оба эти страшилища с великою силою будут обнимать нас в бесконечность. Посему не будем рассуждать ныне так, будто чрезмерность мучений истощит нашу душу: ибо в то время и тело не может истощиться, но будет вместе с душою мучиться вечно, и никакого конца не будет. Итак, сколь же великое наслаждение и сколь продолжительное время хочешь ты противопоставить этому наказанию и мучению? Хочешь ли сто лет и дважды столько? Но что это в сравнении с бесконечными веками? Что сновидение одного дня в отношении к целой жизни, то же значит наслаждение здешними благами в отношении к продолжительности будущих благ. Посему найдется ли такой человек, который для того, чтобы увидеть приятный сон, решился

бы терпеть наказание во всю жизнь? Кто настолько неразумен, чтобы решиться на такое вознаграждение? Впрочем, теперь я еще не встаю против наслаждения и не раскрываю заключающейся в нем горечи: потому что не теперь время говорить об этом, но когда ты будешь в состоянии бежать от него. Теперь же, когда страсть обладает тобою, мы показались бы тебе пустословом, если бы наслаждение назвали горьким; когда же ты, по благодати Божией, освободишься от недугов, тогда, верно узнаешь и злокачественность его. Посему, отложив речь об этом до другого времени, теперь скажем следующее. Пусть наслаждение будет наслаждением, и удовольствие – удовольствием, не имеющим в себе ничего неприятного и предосудительного: что мы скажем касательно уготованного наказания? Что тогда сделаем мы, наслаждавшиеся здешними благами как бы в тени и изображении, а там на самом деле подвергшиеся вечному мучению, и притом когда возможно было в краткое время и избежать упомянутых мучений, и получить уготованные блага? Подлинно, и то дело человеколюбия Божия, что подвиги наши простираются не на продолжительное время, но, подвизавшись краткое и самое малое, подобное мгновению ока, время (такова именно настоящая жизнь по сравнению с будущей), будем увенчаны на бесконечные веки. Немало и то будет печалить тогда души наказуемых, когда они представят, что между тем, как в эти краткие дни можно было исправить все, они, по своей беспечности, предали себя на вечные муки. Чтобы и нам не потерпеть этого, восстанем, доколе время благоприятно, доколе день спасения, доколе велика сила покаяния. Ибо, если мы останемся в беспечности, то нас постигнут не только сказанные бедствия, но и другие, гораздо тяжчайшие. Такие и даже горчайшие бедствия будут в геенне, а лишение благ причинит такую печаль, такую скорбь и муку, что если бы и какое наказание не ожидало здешних грешников, оно само по себе хуже геенских мук будет терзать и возмущать наши души.

11. Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе: ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии никакое слово, но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. «Удалятся», говорит (Писание), «[болезнь], печаль и воздыхание» (Ис.35:10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни; не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распаляемого непристойною похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства: ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, – свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее святильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные; нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это – непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с ангелами, с архангелами, с горними силами. Посмотри теперь на небо, и перейди мыслью к тому, что выше неба, представь преобразование всей твари: она уже не останется такою, но будет гораздо прекраснее и светлее, и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит: «что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению» (Рим.8:21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам; но тогда, совлекишись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразится в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лике святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы геенской, ни смерти – ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой; но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому, как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и

угрозами, дабы от послабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг переменяет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев, председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслию на гору, где преобразился Христос; взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века; из самых слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? «Просияет как солнце» (Матф.17:2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших; и при всем этом они не вынесли, но пали на лице свое. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы получить обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого видимого блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, – из ангелов, архангелов, престолов, господств, начал, властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он; так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишить нам себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей? Если бы надлежало каждый день претерпевать множество смертей, даже – самую геенну, для того, чтобы увидеть Христа, грядущего во славе Своей, и быть причисленным к лику святых, то не надлежало ли бы претерпеть все это? Послушай, что говорит блаженный Петр: «хорошо нам здесь быть» (Матф.17:4). Если же он, увидев только неясный некоторый образ будущего, тотчас излил все из души вследствие наслаждения, происшедшего в душе его от этого зрелища, то что сказать, когда явится самая истина вещей, когда отверзнутся царские чертоги и можно будет созерцать самого Царя уже не в гадании и не в зеркале, но лицом к лицу, уже не верою, но видением?

12. Многие безрассудные желали бы только избавиться от геенны, но я считаю гораздо тягчайшим геенны наказанием – не быть в той славе; и тому, кто лишился ее, думаю, должно скорбеть не столько от геенских мучений, сколько о лишении небесных благ: ибо это одно есть тягчайшее из всех наказаний. Ныне мы часто, видя царя с множеством копьеносцев входящим в царские чертоги, почитаем счастливыми приближенным к нему и участвующим с ним в разговоре, совете и прочей чести; даже обладая множеством благ, называем себя несчастными и нисколько не ценим этих благ, взирая на славу окружающих царя, хотя и знаем, что этот блеск обманчив и ненадежен по причине войн, по причине козней и по причине зависти, и помимо всего этого сам по себе не стоит никакого внимания. А в отношении к Царю всего, который обладает не частью земли, но всем кругом земли, или, лучше сказать, всю ее объемлет дланью и небеса измеряет пядью, носит все глаголом силы Своей, пред Которым все народы, как ничто, и как «плюновение» (Ис.40:15), – в отношении к этому Царю ужели мы не почтем крайним наказанием не быть включенными в тот лик, который около Него, и рады будем, если только избавимся от геенны? Что может быть жалче такой души? Этот Царь, не в запряжке белых мулов, не на золотой колеснице, не в порфире и диадеме, – не так грядет судить землю, но как? Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом, как людям возможно сказать. Один говорит: «грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой» (Пс.49:3,4). А Исаия присовокупляет и самое наказание нам в следующих словах: «Вот, приходит день Господа лютый, с

гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи – дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его» (Ис.13:9-13). И еще, «окна», говорит, «с [небесной] высоты растворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выспреннее на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров, и будут заключены в темницу» (Ис.24:18–22). И Малахия согласно с этим говорит: «идет Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать как золото и как серебро» (Мал.3:2,3). И еще: «вот», говорит, «придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей» (Мал.4:1). А муж желаний говорит: «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги» (Дан.7:9,10). Потом немного ниже, «видел», говорит, «в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня» (Дан.7:13–15). Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и самое небо истребится. «Небеса свернутся», говорит (пророк), «как свиток книжный» (Ис.34:4), свертываясь как бы кожа и покров какой-либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих ангелов обмет великий страх, и не только ангелов, но и архангелов, и престолы и господства, и начала, и власти: «и поколеблются», говорит (Господь), «силы небесные» (Матф.24:29), потому что от сослужителей их потребуется отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности: то, когда вся вселенная будет судима таким Судиею, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них всех обнаружит и дела, и слова, и мысли, и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, – возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если бы и река огненная не текла и страшные ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестьем, чтобы не зреть славы Божией – ибо «нечестивый», говорит (пророк), «не будет взирать на величие Господа» (Ис.26:10), – и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее ли всякой геенны терзало бы души отверженные? Как велико это бедствие, ныне невозможно изобразить словом, а тогда мы ясно узнаем на деле. Но присоедини теперь и то еще наказание, – как люди не только терзаются стыдом, без прикрытия и с поникшим долу лицом, но и влекутся по пути, ведущему в огонь, как они приближаются к самым местам мучений и предаются свирепым силам, и терпят это в то время, когда все, делавшие доброе и достойное вечной жизни, увенчиваются, прославляются и поставляются пред престолом Царя.

13. Так будет в тот день, а что последует затем, какое слово изобразит нам это, т. е. исходящую от общения со Христом усладу, пользу и радость? Ибо душа, возвратив себе соб-

ственное благородство и придя, наконец, в состояние возможности с дерзновением созерцать своего Господа, нельзя и сказать, какое получает наслаждение, какую пользу в том, что утешается не только обладаемыми благами, но и уверенностью, что эти блага никогда не окончатся. Всю эту радость невозможно ни словом изобразить, не умом постигнуть. Впрочем, попытаюсь представить, хотя неясно и так, как показывают великое посредством малого. Посмотрим на тех, которые в настоящей жизни пользуются мирскими благами, то есть богатством, властью и славою, – как они, надмеваясь благосостоянием, думают, что они уже не на земле, хотя пользуются такими благами, которые и не признаются за блага и не остаются с ними, но улетают быстрее сновидения; если же иногда и остаются на малое время, то приносят удовольствие только в настоящей жизни, а далее не могут им сопутствовать. Если же даже эти блага приводят владеющих ими в такую радость, то что, думаешь ты, будет с душами, призванными к бесчисленным небесным благам, которые непреходящи и всегда пребывают благонадежными? И не этим одним, но и количеством и качеством они настолько превосходят настоящих благ, что и на сердце человеку никогда не всходило. Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения, и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех ангелы и архангелы. Не истреби же, друг мой, до конца этих черт наших но, поскорее восстановив их, приведи в лучшее состояние. Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души, как несравненно лучшая телесного благообразие, свободна от такой необходимости и подчиненности, и вполне зависит от нас и от воли Божией. Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте, то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное, и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому, и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, складкою волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей, придумываем себе, такую красоту: то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Посему Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты, и таким образом сделать ее достолюбезною и привлекательною, вожденною не только для добрых людей, но и для самого Царя и Бога всех, как и псалмопевец, рассуждая об этой красоте, сказал: «и возжелает Царь красоты твоей» (Пс.44:12). Не видишь ли, что и в зазорных домах к женщинам безобразным и бесстыдным едва ли приблизятся даже единоборцы, беглые и борцы со зверями; если же какая женщина благообразная, благородная и стыдливая, по какому-нибудь обстоятельству, впадет в такую крайность, то и иной и из весьма знатных и важных людей не постыдится вступить в брак с нею? Если же у людей бывает такая жалость и такое презрение к славе, что они часто и обесчещенных под этою кровлею женщин избавляют от неволи и берут себе в супруги, то не гораздо ли более возможно это у Бога по отношению к душам, которые по насилию диавола ниспали из первобытного благородства в блудилище настоящей жизни? Множество таких примеров ты найдешь у пророков, когда они обращают речь к Иерусалиму, который также впадал в блудодеяние, и притом в некоторое новое блу-

додеяние, как говорит Иезекииль: «всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем; и потому ты поступала в противность другим» (Иез.16:33,34); и еще другой: «сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила землю блудом твоим» (Иер.3:2). И такой город, столь блудодейный, Бог опять призывает к себе. Самый плен (иудеев) был не столько для наказания, сколько для обращения и исправления их; потому что, если бы Бог хотел решительно наказать их, то не возвратил бы в отечество, не воздвиг бы еще более великого и блистательного и города, и храма. «Слава сего», говорит (пророк), «последнего храма будет больше, нежели прежнего» (Агг.2:9). Если же Бог не лишил покаяния города, многократно блудодействовавшего, то гораздо более примет твою душу, подвергшуюся первому падению. Поистине, никакой плотолобец, хотя бы крайне распаленный, не пламенеет так к любимой им, как Бог желает спасения наших душ. В этом можно убедиться как из повседневных событий, так и из божественных Писаний. Смотри у Иеремии в самом начале, и во многих местах у пророков, как Бог бывал пренебрегаем и презираем, и как Он опять приближался и искал любви отвергавшихся от Него, – что и сам Он в Евангелии выразил словами: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели» (Матф.23:37). И апостол Павел в послании к Коринфянам сказал: «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям] преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2Кор.5:19,20). Прими это теперь за сказанное и к нам. Ибо не только неверие, но и нечистая жизнь может произвести эту прискорбную вражду. «Потому что плотские помышления», говорит (Писание), «суть вражда против Бога» (Рим.8:7). Разрушим же эту преграду, ниспровергнем и умертвим, дабы достигнуть блаженного примирения, дабы опять сделаться возжеланными и любезными Богу.

14. Знаю, что ты теперь восхищаешься красотой Ермионы и думаешь, что на земле нет ничего подобного ее благообразию; но если ты, друг мой, захочешь, то будешь настолько благолепнее и прекраснее ее, насколько золотые статуи лучше глиняных. Если красота телесная так поражает и увлекает души многих, то когда она заблистает в душе, что может сравниться с такою красотой и благообразием? Телесной красоте основанием служит не что иное, как слюнь, кровь, влага, желчь, и сок принятой пищи. Этим наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будут каждый день получать такого напоения, истекающего из чрева и печени, то вместе с тем, как только кожа высохнет более надлежащего и глаза впадут, и вся красота лица тотчас пропадет; – так что, если ты представишь себе, что именно скрывается внутри прекрасных глаз, что внутри прямого носа, что внутри уст и щек, то благообразие тела назовешь не иным чем, как гробом повапленным: такой нечистоты полна внутренность! Далее, если ты увидишь тряпку, запачканную чем-либо из таких веществ, например слюною или слюною, то не захочешь и концами пальцев дотронуться до нее, даже не станешь и смотреть на нее; а вместилищем и хранилищем их восхищаешься? А твоя красота была не такова, но (настолько выше ее), насколько небо лучше земли, или, вернее сказать, гораздо еще блистательнее и превосходнее. Конечно, никто никогда не видал души самой себе, без тела; но я попытаюсь представить тебе красоту ея иначе, по сравнению с высшими силами. Послушай, как их красота поразила мужа желаний: намереваясь изобразить их красоту и не могши найти такое тело, он прибег к металлическим веществам, но не удовольствовавшись и ими одними, взял в пример еще блеск молнии. Если же те (силы), проявившие существо свое не во всей чистоте и обнаженности, но весьма неясным и прикровенным образом, были, однако, столь блистательны, то какими должны они являться без всякого покрова? Нечто подобное надлежит представлять и о красоте души: будут, говорит (Господь) «равны Ангелам» (Лук. 20:36). Даже между телами, те, которые легче и тоньше приближаются к безтелесным предметам, гораздо лучше и превосходнее других. Небо прекраснее земли, огонь – воды, звезды – камней; а радугою мы восхищаемся

гораздо более, нежели фиалками, розами и всеми другими цветами земными. Вообще, если бы возможно было увидеть красоту души телесными очами, ты посмеялся бы над всеми этими примерами тел, – так слабо они представляют нам благолепие души! Не будем же нерадеть о таком стяжании и таком блаженстве, тем более, что возвращение к этой красоте для нас удобно при надежде на будущее. «Ибо», говорит апостол, «кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор.4:17,18). Если же скорби, которые ты знаешь, блаженный Павел назвал нетяжкими и легкими, так как не смотрел на видимое, то тем легче тебе оставить нечистую похоть. Мы теперь зовем тебя не на опасности, не на ежедневные смерти, непрестанные удары, бичевания, узы, борьбы со вселенною, вражду от домашних, безпрестанные бдения, продолжительные путешествия, кораблекрушения, нападения разбойников, козни от сродников, скорби о друзьях, голод, холод, наготу, зной, печаль о своих и не своих. Ничего такого мы не требуем теперь; об одном только просим, – освободиться от окаянного рабства и возвратиться к прежней свободе, представив себе и наказание за похоть и почесть за прежнюю жизнь. Если не верующие в учение о воскресении предаются беспечности и никогда не чувствуют этого страха, это несколько не удивительно; а нам, надеющимся более на будущее, нежели на здешние блага, проводить столь жалкую и несчастную жизнь, ничего не ощущать при воспоминании о первых, но ниспасть до крайней бесчувственности, – это было бы весьма безрассудно. Когда мы – верующие будем поступать, как неверные, или станем вести себя хуже их (и между ними есть просиявшие житейскою добродетелию), какое, наконец, будет нам утешение, какое оправдание? Из купцов многие, потерпев кораблекрушение, не упали духом, но опять пошли тем же путем, хотя притом потерпели это несчастье не от собственной беспечности, но от силы ветров; а мы, которые можем надеяться на счастливый конец и верно знаем, что без нашей воли не постигнет нас ни кораблекрушение, ни малое какое-либо несчастье, мы ли не примемся опять за то же и не будем приобретать, по прежнему, но станем лежать без дела, сложив при себе руки? И о, если бы только при себе, а не против себя, – что означает явное безумие! Ведь если бы кто из борцов, оставив своего противника, обратил руки на свою голову и стал поражать собственное лицо, скажи мне, не причислили бы его к сумасшедшим? Дьявол поборол нас и поверг; следовательно надобно встать, а не влачиться далее и низвергать себя в пропасть, не прибавлять к его ударам еще своих собственных. И блаженный Давид пал таким же падением, каким и ты теперь; и не этим только, но потом и другим, то есть, убийством. Что же, остался ли он лежащим? Напротив, не тотчас ли с мужеством встал, и не ополчился ли на врага? Итак доблестно поразил его, что и по смерти своей сделался покровом для своих потомков. Ибо Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достойным тысячи смертей, Бог сказал, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: «отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего», почему? «ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его» (3Цар.11:11,12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, Он обещал помощь ради того же блаженного: «буду охранять», говорит, «город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4Цар.19:34). Такова сила покаяния! А если бы Давид стал рассуждать так же, как и ты теперь, – именно, что уже невозможно умиловать Бога, и если бы сказал сам в себе: «Бог почтил меня великою честью, причислил к пророкам, и вручил начальство над единоплеменниками, и избавил от множества опасностей: как же я, после столь многих благодеяний, огорчив Его и дерзнув на крайние беззакония, могу опять умиловать Его?» Если бы он стал рассуждать так, то не только не сделал бы того, что совершил впоследствии, но уничтожил бы и прежние свои дела.

15. Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неисцельны, однако, мы не отчаи-

ваемся, и слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хотя малое какое-либо облегчение; а о душах, в которых нет никакой неисцельной болезни – так как они не подлежат естественной необходимости, – о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их – чужие для нас. Где самое свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье; а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшись, отступаем и предаемся беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое; а кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это чрез хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф.10:28). Итак, убедили ли мы тебя, что никогда не должно отчаиваться в душевных болезнях, как бы неисцельных, или нужно предложить еще и другие доказательства? Если бы ты и тысячу раз отчаивался в самом себе, мы не отчаемся в тебе никогда, и не допустим сами того, за что осуждаем других, хотя не одно и то же – отчаиваться кому-либо в самом себе, или другому в нем; потому что отчаивающийся в другом может скоро получить прощение, а отчаивающийся в самом себе – никогда. Почему? Потому, что тот не властен в настроении и раскаянии другого, а этот один властен над самим собою. И, однако, при всем том мы не будем отчаиваться в тебе, хотя бы ты сам тысячу раз подвергся этому; потому что, может быть, и произойдет возврат к добродетели и возобновлению прежней жизни. Выслушай же и следующее. Ниневитяне, услышав сильную и ясную угрозу пророка: «еще сорок дней и Ниневия будет разрушена» (Ион.3:4), и после этого не упали духом, и хотя не были уверены, что умолят Бога, а скорее могли опасаться противного по поводу пророчества (ибо оно произнесено было не с каким-нибудь ограничением, но как прямое определение), при всем этом оказали раскаяние и говорили: «кто знает, может быть, еще Бог умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем». И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион.3:9,10). Если же люди варварские и непросвещенные могли быть столь благоразумными, то гораздо более должно поступать так нам, которые научены божественным догматам и видели великое множество таких примеров и в словах, и в делах. «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис.55:8,9). Если часто и мы провинившихся слуг, когда они обещают исправиться, принимаем и опять удостаиваем прежней чести, а нередко оказываем им еще большее доверие, то гораздо более Бог. Ведь если бы Он создал нас для того, чтобы наказывать, то справедливо бы ты сомневался и отчаивался в своем спасении; но если Он сотворил нас по единой только благодати, для того, чтобы мы наслаждались вечными благами, и к этому устрояет и направляет все от первого дня до настоящего времени; то, что побуждает нас предаваться сомнению? То ли, что мы сильно прогневали Его, как никто другой из людей? Но потому-то особенно и должно отстать от настоящих дел и раскаяться в прежних и показать большую перемену. Ибо не столько могут раздражать Его соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться. Грешить еще свойственно человеку; но коснеть во грехах – это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело. Смотри, как и чрез пророка Бог порицает последнее больше первого: «видел ли ты», говорит, «что делала отступница, дочь Израиля? Она ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево и там блудодействовала. И после того, как она все это делала, Я говорил: «возвратись ко Мне»; но она не возвратилась» (Иер.3:6,7). И в другом месте, опять желая показать, сколь великое Он имеет попечение о нашем спасении, лишь только услышал, что (израильтяне) после многих беззаконий обещали идти правым путем, сказал: «о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни,

дабы хорошо было им и сынам их вовек» (Втор.5:29). И Моисей, обращаясь к ним, сказал: «Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его» (Втор.10:12) Итак Тот, Кто ищет быть любимым нами и для этого делает все, Кто не пощадил даже Единородного для нашей любви и почитает вожделенным, чтобы мы когда бы то ни было примирились с Ним, как не примет и не полюбит кающихся? Послушай, что говорит Он чрез пророка: «говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться» (Ис.43:26). Этого он требует от нас для того, чтобы любовь наша к Нему была сильною. Когда любящий, получив множество оскорблений от любимых, не погасит в себе любви, тогда он, если и старается обнаружить эти оскорбления, то не для чего иного, как для того, чтобы, показав всю силу своей любви, склонить их к большей и сильнейшей любви. Если же исповедание грехов доставляет такое утешение, то гораздо более очищение их делами. Если бы было не так, но однажды совратившимся с прямого пути Бог препятствовал бы возвратиться к прежнему; то никто, может быть, кроме немногих и весьма малочисленных, не вошел бы в царство небесное; а теперь встретим особенно прославленных и в среде тех, которые подвергались этим падениям. Ибо показавшие большую силу во зле покажут такую же и в добре, сознавая, какими долгами они обременили себя, что и Христос изъяснил, когда сказал Симону о жене: «видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи» (Лук.7:44–48).

16. Посему и диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великою ревностью, как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы, и воспламенившись покаянием, как бы огнем, соделывают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т. е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и павши там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы уже, имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаяние губительно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие; ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть; так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед. Посему умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, – отстань от сатанинского упоения, если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния. Если же это представляется тебе трудным, то как хочешь, так и вступи на путь, ведущий к лучшему, только вступи и получишь жизнь вечную. Так, прошу и умоляю во имя прежней доблести, прежней свободы, чтобы нам опять увидеть тебя на той же высоте и с тою же бод-

ростию. Пожалей о тех, которые соблазняются о твоей голове, падают, делаются беспечнее, отчаиваются в пути добродетели. Теперь скорбью объят сонм братий, а веселием и радостью – общества неверных и беспечных юношей. А когда ты возвратишься к прежней строгой жизни, то будет наоборот: наш стыд весь перейдет на них, а мы будем чувствовать великую отраду, опять видя тебя увенчиваемым и прославляемым с великим блеском. Такие победы доставляют больше чести и радости, потому что ты получишь награду не только за собственные доблести, но и за утешение и одобрение других, представляя им собою, – если кто из них впадет когда-либо в такое же бедствие, – величайший пример того, как опять восстать и исправиться. Не пренебрегай же такую пользою и не своди в ад с печалию души наши, но дай нам вздохнуть и рассеять окружающее нас облако печали о тебе. Мы теперь, оставив свои горести, оплакиваем твои несчастья; если же ты захочешь отрезвиться и открыть глаза, и присоединиться к ангельскому воинству, то и от этой печали избавишь нас и изгладишь большую часть грехов наших. А что обратившимся чрез покаяние можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала, это мы показали и из божественных Писаний. Так и мытари и блудницы наследуют царство небесное; так многие из последних становятся впереди первых.

17. Расскажу тебе о том, что случилось при нас и чему сам ты можешь быть свидетелем. Ты знаешь молодого сына Урбанова, Финикса, который остался сиротою в юности и был владельцем множества денег, рабов и полей. Прежде всего оставив занятия (науками) в музеях и сбросив с себя светлую одежду и всю гордость житейскую, а затем тотчас надев худую одежду и удалившись в пустыню на горы, он обнаружил большое любомудрие, не только по возрасту, но и в сравнении с великими и дивными мужами. После того, удостоившись священного участия в таинствах, он еще более преуспевал в добродетели. И все радовались и славили Бога, что человек воспитанный в богатстве, имевший знаменитых предков, и еще весьма молодой, вдруг поправ всю пышность житейскую, достиг истинной высоты. Когда он был в таком состоянии и возбуждал удивление, некоторые развратители, по праву родства имевшие над ним надзор, опять увлекли его в прежний круговорот. Бросив все, он скоро, сойдя с гор, опять появился на торжище, и восседая на коне, с множеством спутников, ездил по всему городу и уже не хотел любомудрствовать. Пламенея великим сладострастием, он по необходимости предавался нечистой любви, и не было между близкими к нему никого, кто бы не отчаивался в его спасении; его окружала толпа льстецов, к тому же присоединилось сиротство, молодость и огромное богатство. Люди, склонные легкомысленно порицать все, стали обвинять тех, которые сначала обратили его на тот (духовный) путь, утверждая, что он и в духовных делах не удался, и к своим делам будет негоден, так как прежде времени оставив занятия науками, не мог извлечь из них никакой пользы. Когда это говорилось и происходил великий позор, некоторые святые мужи, часто уловлявшие такую добычу и по опыту хорошо знавшие, что вооруженным надеждами на Бога не следует отчаиваться в таких делах, постоянно следили за ним и, завидев его появлявшимся на торжище, подходили к нему и приветствовали. Сперва он прямо с лошади разговаривал с ними, при чем они следовали за ним по бокам; такое бесстыдство сначала было в нем! Но они, сердобольные и чадолюбивые, несколько не стыдились этого, а смотрели только на то, как бы отнять у волков овцу, чего и достигли терпением. Ибо впоследствии он, как бы от какого умоисступления придя в себя и устыдившись великой заботливости их, лишь только издали усматривал, что они идут к нему, тотчас соскакивал с лошади, и опустив взор, с молчанием выслушивал от них все, и с течением времени все более и более стал оказывать им уважение и почтение. Таким образом они, по милости Божией, мало-помалу, освободив его от всех этих сетей, возвратили прежней пустыне и любомудрию. И теперь он настолько просиял, что прежняя жизнь его представляется ничем, по сравнению с жизнью после падения. Хорошо на опыте узнав искушение, он все богатство роздал бедным, и освободившись от забот о нем, отнял у желающих строить козни всякий к тому предлог, и теперь, шествуя по пути к небу, достиг уже

до вершины добродетели. Но этот еще в юности и пал и восстал; а некто другой, после многих трудов, понесенных им в пустынножительстве, имея одного только сожителя, ведя ангельскую жизнь и достигнув уже старости, не знаю, каким образом, по какому-то сатанинскому ухищрению и собственной беспечности своей, дав лукавому доступ к себе, впал в похоть общения с женщинами, – человек, никогда не выдавший женщины с тех пор, как вступил в монашескую жизнь! Сперва он попросил сожителя дать ему мяса и вина, и угрожал, если не получит этого, уйти на торжище. А говорил он это не столько потому, что хотел мяса, сколько для того, чтобы иметь повод и предлог отправиться в город. Тот, недоумевая и боясь чтобы, отказав ему в этом, не причинить ему большего зла, удовлетворяет его желанию. Когда же он увидел, что хитрость его не удалась, то уже с явным бесстыдством сбросил притворство и сказал, что ему непременно надобно сходить в город. Тот, не будучи в состоянии остановить его, наконец отпустил, и следуя за ним издали, наблюдал, к чему клонилось это его путешествие. Когда же увидел, что он вошел в непотребный дом, и узнал, что он сообщился с блудницею, то подождав, пока он удовлетворил нечистую похоть свою и вышел оттуда, принял его с распростертыми руками, обнял и горячо поцеловал, и нисколько не упрекнув за сделанное им, просил только, чтобы он, так как удовлетворил уже свою похоть, опять возвратился к пустынножительству. Этот, удивившись великой кротости его, мгновенно был поражен в душе, и почувствовав сокрушение о грехе, последовал за ним на гору; и пришедши туда, попросил того мужа, чтобы он, заключив его в другой келье и заперши двери ее, доставлял ему хлеб и воду в известные дни, а спрашивающим об нем говорил, что он умер. Сказав это и убедив сожителя, он заключил себя и жил там постоянно, постом, молитвами и слезами омывая душу от греховной нечистоты. Спустя немного времени, когда ближайшую страну постигла засуха и все жители ее были в печали, некто получил во сне повеление попросить того затворника помолиться о прекращении засухи. Взяв с собою друзей, он отправился туда; но там сперва они нашли одного только сожителя затворника; когда же спросили о последнем, получили в ответ, что он умер. Подумав, что они обмануты, они опять обратились к молитвам, и опять чрез такое же видение слышали тоже, что и прежде. Тогда, обступив того, кто действительно притворствовал, просили показать им этого мужа, утверждая, что он не умер, но жив. Тот, услышав это и видя, что состоявшееся между ними соглашение открыто, приводит их к этому святому, и они, разобрав стену (потому что и вход был заложен) и вошедши все, поверглись к ногам его, рассказали о случившемся и умоляли его избавить их от голода. Сперва он отказывал им, утверждая, что он далек от такого дерзновения, так как непрестанно имел перед глазами свой грех, как бы сейчас только совершенный. Когда же они рассказали обо всем случившемся, то убедили его помолиться, и помолившись, он прекратил засуху. А о том юноше, который был сперва учеником Иоанна Зеведеева, потом долгое время – начальником разбойников, и опять уловлен святыми руками блаженного, и из убежищ и пещер разбойничьих возвратился к прежней добродетели, тебе самому не безызвестно и ты точно знаешь все не хуже нашего, потому что я часто слыхал, как ты удивлялся великому снисхождению (Иоанна), который сначала поцеловал окровавленную правую руку юноши, обнял его, и таким способом привел его в прежнее состояние.

18. Так же (поступил) блаж. Павел в отношении Онисима, этого негодая, беглеца и вора, – такого-то человека он не только сам принимает в объятия, когда тот переменялся, но и господина его просит оказать покаявшемуся одинаковую с учителем честь, так говоря: «прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня» (Флм.1:10–17). И

в послании к Коринфянам он же говорит: «когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаются» (2Кор.12:21); и еще: «предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу» (2Кор.13:2). Видишь ли, кого он оплакивает и кого не щадит? Не тех, которые согрешили, но – которые покаются, и не просто не покаются, но после одного и двух увещаний к раскаянию, не захотели послушаться. Выражения: «предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу», означают не что иное, как это, чего должно опасаться, чтобы и с нами не случилось теперь. Ибо хотя нет при нас Павла, который угрожал коринфянам, но предстоит Христос, который чрез него говорил тогда, и если мы не перестанем упорствовать, Он не пощадит нас, но сильным ударом поразит и здесь и там. Посему «предстанем пред лицом Его во исповедании, во псалмах воскликнем Ему» (Пс.94:2). «Если ты согрешил», говорит (Писание), «не прилагай более грехов и о прежних молись» (Сир.22:1). И еще: «обвинитель в первой речи на суде прав по отношению к себе» (Притч. 18:17). Не будем же ждать обличителя, но ранее займем его место, и таким образом, своею откровенностью сделаем Судию более милостивым. Я хорошо знаю, что ты исповедуешь свои грехи и чрезмерно сокрушаешься; но я хочу не этого только, а желаю убедиться, желаешь ли ты оправдать себя и делом. Пока это исповедание ты не сделаешь плодотворным, до тех пор, хотя и будешь осуждать себя, не можешь отстать от последующих грехов. Никто ничего не может делать с усердием и надлежащим образом, если наперед не будет убежден, что это дело принесет пользу. Так сеятель после посева семян, если не будет ожидать жатвы, никогда не будет и жать. Разве кто стал бы трудиться напрасно, не надеясь получить ничего доброго от своего труда? так и сеющий слова, слезы и исповедание, если делает это без доброй надежды, не может отстать от грехов, как одержимый еще пороком отчаяния; но как земледелец, отчаявшийся в произрастении плодов, уже не станет отвращать того, что наносит вред семенам, так и сеющий слезное исповедание, но не ожидающий от него никакой пользы, не будет в состоянии отклонить того, что вредит покаянию. А вредит покаянию коснение в одних и тех же грехах. «Когда один строит», говорит (Писание), «а другой разрушает: то что они получают для себя кроме утомления? Когда кто омывается от осквернения мертвым и опять прикасается к нему, какая польза от его омовения? Так человек, который постится за грехи свои и опять идет и делает то же самое: кто услышит молитву его?» (Сир.34:23,25,26). И еще: «если кто обращается от праведности ко греху, Господь уготовит того на меч» (Сир.26:26). И «как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою» (Притч.26:11).

19. И так, объявляя грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как долженствующий оправдаться посредством покаяния: тогда ты и будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником есть дело общее, так сказать, и неверным. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хотя не с надлежащею целию. Посему я и не назову это исповеданием, потому что они объявляют грехи свои не с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не с переменою жизни; но одни из них делают это с тем, чтобы откровенностью своих слов получить славу у слушающих, так как грехи неодинаково кажутся тяжкими, когда другой кто открывает их, и когда – сам согрешивший. Иные, вследствие сильного отчаяния впадши в ожесточение и презирая славу человеческую, с крайним бесстыдством объявляют всем собственные пороки, как бы чужие. Но я желаю, чтобы ты не принадлежал к числу их, чтобы приступал к исповеданию не с отчаяния, но с благою надеждою и, с корнем вырвав отчаяние, оказал противоположную ему ревность. Что же служит корнем и матерью отчаяния? Беспечность; вернее можно назвать ее не только корнем, но и питательницею и матерью. Ибо, как в шерсти порча рождает червей, и обратно сама умножается от них, так и здесь беспечность рождает отчаяние, и сама обратно

питается отчаянием, и таким образом, оказывая друг другу это проклятое содействие, они не мало возрастают в силе. Посему кто истребит и искоренит одно из этих зол, тот будет в состоянии победить легко и остальное; кто не предастся беспечности, тот не впадает и в отчаяние; кто питается благими надеждами и не отчаивается в себе, тот не может впасть и в беспечность. Расторгни же эту чету и сокруши ярмо, то есть, различные и тяжкие помыслы; ибо соединяют их не одинаковые (помыслы), но разные и всякого вида. Какие же? Случается, что иной, показавшись, совершит многие и великие добрые дела, и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто созданное разрушено и все труды его были напрасны. Но надобно вникнуть в это и отогнать тот помысл, будто если мы не успеем наперед запасти добрых дел в мере, равной совершенным после них грехам, то ничто не удержит нас от сильного и полного падения. Напротив, добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не пускают острой и губительной стреле сделать свое дело, но, быв сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Посему отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и тамошних муках; а кто, не имея добрых дел, принесет только злые, тот, и сказать нельзя, сколько пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их не мало послужат ко спасению, и вред от совершения злых дел не будет иметь такой силы, чтобы сдвинуть его с прежнего места; но если первые перевесят, то увлекут его в геенский огонь; потому что добрые дела не так многочисленны, чтобы могли устоять против сильного перевеса злых. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и Слово Божие. Ибо сам (Господь) говорит: «воздаст каждому по делам его» (Матф.16:27). И не только в геенне, но и в самом царстве находится множество различий: «в дому Отца Моего», говорит, «обителей много» (Иоан.14:2); и: «иная слава солнца, иная слава луны» (1Кор.15:41). И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одною звездою и другою? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать на ряду с солнцем или луною, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе. Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра, и останемся на своем основании; только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сожигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, нам не оказаться и без малых: это – крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так тоже и с духовным. Нелепо было бы в виду того, что Судия не оставляет без награды и чаши холодной воды, нам потому только, что не имеем весьма великих дел, не заботиться и о совершении малых. Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние; дабы не было этого, Христос и за первые назначил великие награды. Что может быть легче, как посещать болящих? Однако, и за это Он воздаст великую награду. Итак, стремись к вечной жизни, радуйся о Господе и молись Ему; возьми опять благое иго, подклони под легкое бремя, приложи к началу достойный его конец; непусти погибнуть такому богатству. Если ты станешь и впредь раздражать Бога своими делами, то погубишь себя; но если прежде, нежели совершится эта большая потеря и все поле будет покрыто водою, ты заградишь каналы нечестия, то будешь в состоянии и опять приобрести потерянное и прибавить к тому другое немалое приращение. Обо всем этом размыслив, страхни с себя пыль, встань с земли, и ты будешь страшен противнику. Он поверг тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидит тебя с поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностию, потеряет охоту опять бороться с тобою, а ты сам будешь впредь безопаснее от получения подобной раны. Поистине, если чужие несчастья способны вразумлять нас, то гораздо более те, которые мы потерпели сами. Это я надеюсь

скоро увидеть и на твоей главе, – надеюсь, что ты, при помощи Божией, будешь и еще светлее, и такую покажешь добродетель, что станешь там впереди других. Только не отчаивайся, не падай духом; это я не перестану повторять тебе при всякой беседе, где бы тебя ни увидел, и чрез других; и если ты слушаешься этого, то не будешь нуждаться в других врачеваниях.

К ТОМУ ЖЕ ФЕОДОРУ УВЕЩАНИЕ 2-е

ЕСЛИ бы можно было изложить письменно слезы и стенания, то я наполнил бы ими письмо и послал бы к тебе. Плачу я не о том, что ты заботишься об отцовских делах, но о том, что ты изгладил себя из списка братий, что попрал завет со Христом. От этого я содрогаюсь, об этом сокрушаюсь, этого боюсь и трепещу, зная, что нарушение завета навлекает великое осуждение на записавшихся в доброе воинство и по собственной безпечности оставивших строй. Отсюда очевидно, что таким угрожает тяжкое наказание. Простолюдина никто никогда не станет обвинять за непринадлежность к войску, а кто раз стал воином, тот, если уличен будет в бегстве из строя, подвергается крайней опасности. Зло не в том, любезный Феодор, чтобы сражаясь пасть, а в том, чтобы упавши, так и оставаться; не то бедственно, чтобы воюя быть раненным, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране. Никакой купец, подвергшись однажды кораблекрушению и потеряв груз, не оставляет мореплавания, но опять переплывает море, и волны, и обширные бездны, и вновь приобретает прежнее богатство. И борцов мы видим увенчиваемыми после многократных падений; также и воин, много раз обращавшийся в бегство, наконец является героем и побеждает врагов. Даже многие из отрекшихся от Христа по причине жестокости мучений опять вступали в борьбу и отходили украшенными венцом мученичества. Но если бы каждый из них после первого удара предался отчаянию, то не получил бы последующих благ. Так теперь и ты, любезный Феодор, потому, что враг немного поколебал тебя в твоём положении, не толкай сам себя в пропасть, но стой добро и поспеши возвратиться туда, откуда отошел, и не считай позором этого кратковременного поражения. Ты не стал бы порицать воина, увидев его с раною возвращающимся с войны; ибо позорно бросать оружие и уклоняться от неприятелей; но доколе кто остается в сражении, то, хотя бы он был поражаем и несколько отступал, никто не будет столь неблагоприятен и неопытен в воинском деле, чтобы обвинять его за это. Не быть ранеными свойственно не сражающимся; но тем, которые с сильным рвением устремляются на врагов, свойственно быть иногда поражаемыми и падать, как это случилось теперь и с тобою; ты, устремившись умертвить змия, тотчас был сам уязвлен им. Но ободрись; небольшая нужна тебе бдительность, – и не останется следа этой раны; даже, по благодати Божией, ты сокрушишь голову и самого лукавого; пусть не смущает тебя и то, что ты преткнулся так скоро и в самом начале. Увидел, скоро увидел лукавый доблесть души твоей, и из многого догадался, что вырастет из тебя мужественный противник ему: обнаруживший в самом начале столь великую и сильную ревность против него, такой человек, если устоит, то легко – полагал он – одержит над ним победу. Поэтому он поспешил, пробудился, восстал с силою на тебя, или лучше, на свою голову, если ты хочешь стоять мужественно. Ибо кто не удивлялся твоей быстрой искренней и пылкой к добру перемене? Роскошные яства были презрены, драгоценные одежды отринуты, всякая пышность поправа, вся ревность о внешней мудрости быстро обращена на Слово Божие; целые дни проводимы были в чтении, целые ночи – в молитвах; не вспоминалось отцовское достоинство, не приходило на ум богатство; но касаться колен и припадать к ногам братий – это ты считал выше всякого благородства. Вот что опечалило лукавого, вот что возбудило его к сильной борьбе; впрочем, он нанес не смертельную рану. Если бы он низверг тебя после долговременных непрерывных постов, земных поклонов и других подвигов, то и тогда не надлежало бы отчаиваться, хотя иной и назвал бы великим бедствием поражение, совершившееся после многих усилий и трудов и побед; но так как он поборол тебя, когда ты только лишь приготовился к борьбе с ним, то и успел в том только, что сделал тебя более ревностным к борьбе с ним. На тебя лишь только начавшего плавание, а не возвращавшегося с торговли и везшего полный груз, напал свирепый пират. И подобно тому, как устремившийся убить благородного льва, только оцарапав ему кожу, нисколько не вредит ему, а более раздражает его против себя, и делает

впредь более осторожным и трудно уловимым, так и общий всех враг, устремившись нанести глубокую рану, не достиг этого, а сделал (тебя) впредь более бдительным и осторожным.

2. Природа человека переменчива: легко обольщается, и легко освобождается от обольщения, скоро падает, и еще скорее восстает. Так и тот блаженный муж, – разумею Давида, избранного царя и пророка, – уже сделав много доброго, не укрыл того, что он человек, но воспылал некогда похотию к чужой жене, и на этом не остановился, но от похоти совершил прелюбодеяние, а от прелюбодеяния совершил убийство; однако, и получив две такие раны, он не причинил себе еще и третью, но тотчас притек ко Врачу, и употребил врачевства – пост, слезы, плач, непрестанные молитвы, многократное исповедание греха; и чрез это так умилиствовал Бога, что возвратил себе прежнее достоинство, так что после прелюбодеяния и убийства память отца могла прикрывать идолопоклонство сына. Ибо его сын, – Соломон имя ему, – был уловлен тою же сетью, как и отец, и в угождение женам отступил от Бога отцов. Видишь, какое зло – не воздерживаться от сладострастия, но извращать естественное преимущество и, будучи мужем, делаться рабом женщин. Этому самому Соломону прежде праведному и мудрому, когда он был в опасности потерять за грех все царство, Бог, за добродетели отца, оставил во владение шестую часть государства. Так, если бы ты усердно занимался внешним красноречием и потом стал нерадеть о нем, то я убедил бы тебя возвратиться к этим занятиям, напомнив тебе о судилищах и ораторском седалище, о раздаваемых там венцах и свободе речи, но так как мы стремимся к небесному, а о земном у нас и речи нет, то я напомню тебе о другом судилище и седалище страшном и ужасном. «Все нам должно явиться пред судилище Христово» (2Кор.5:10). Судиею же сядет тогда Тот, Кто теперь пренебрегается тобою. Что же скажем мы тогда, скажи мне? Чем будем оправдываться, если станем продолжать пренебрегать Им? Что же мы скажем? Укажем ли на заботы о делах? Но Он наперед сказал: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Матф.16:26). На то ли, что мы обольщены другими? Но и Адаму не послужило в оправдание то, что он сослался на жену и сказал: «жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и» меня обольстила (Быт.3:12); равно как и жене – змий. Страшно, любезный Феодор, это судилище, не нуждающееся в обличителях, не ожидающее свидетелей; ибо «все обнажено и открыто» пред этим Судиею (Евр.4:13); и придется дать отчет не только в делах, но и в помышлениях, ибо этот Судия «судит помышления и намерения сердечные» (Евр.4:12). Но, может быть ты укажешь на немощ природы и невозможность понести иго. Но что это за оправдание – не иметь силы взять на себя иго благое, не быть в состоянии понести бремя легкое? Разве тяжкое и трудное дело отдыхать от трудов? А к этому всему и призывает нас Господь, когда говорит: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Матф.11:28–30). Что легче, скажи мне, как быть свободным от ежедневных забот и дел, страхов и трудов, стоять вдали от волн житейских и пребывать в тихой пристани?

3. Что в мире представляется тебе всего блаженнее и вожаденнее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жалче этого, если сравнить с свободой христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей, и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолюдин, так как настоящая жизнь несколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой – полководца, иной – воина, а по наступлении вечера – и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день, не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Также и богатство, которого владельцы называются жалкими. Ибо «горе», говорит (Господь), «вам, богатые» (Лук.6:24); и еще: горе «надеющимся на силы свои и хвалящимся множеством богатства своего» (Пс.48:7). Христианин никогда не делается – ни из начальника простолюдином, ни из богатого бедным, ни из славного бесславным: напро-

тив он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он – не над людьми, но над князьями подвластными «мироправителю тьмы» (Еф.6:12), никто отнять у него не может. Законное дело – брак, согласен на это и я; ибо сказано: «брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр.13:4). Но тебе уже невозможно соблюсти законность брака: потому что кто, сочетавшись с небесным Женихом, оставляет Его и сочетается с женою, тот совершает прелюбодеяние, хотя бы тысячу раз ты называл это браком; а вернее сказать, это хуже и прелюбодеяния настолько, насколько Бог превосходнее людей. Никто пусть не обольщает тебя словами: жениться не запретил Бог. Знаю это и я: жениться не запретил, но запретил прелюбодействовать, что намеревался ты сделать, чего да не будет, чтобы, т. е. ты вступил когда-нибудь в брак. Что ты удивляешься, если брак осуждается, как прелюбодеяние, когда чрез него отвергается Бог? Убийство бывает оправдываемо и человеколюбие осуждаемо хуже убийства, когда первое совершалось по воле Божией, а второе вопреки ее. Именно, Финеесу вменилось в правду то, что он пронзил жену блудницу вместе с блудником; а Саула святой Божий Самуил несмотря на то, что целые ночи плакал, сетовал и молился, не мог избавить от осуждения, которое Бог произнес на него за то, что он против воли Божией пощадил иноплеменного царя, которого надлежало умертвить. Если же человеколюбие осуждено более убийства за преслушание Бога, то что удивительного, если брак осуждается более прелюбодеяния за отвержение Христа? Посему, как я сказал выше, если бы ты был простолюдином, никто не обвинял бы тебя за непринадлежность к войску, а теперь ты уже не господин сам себе, сделавшись воином такого Царя. Если жена невластна в своем теле, но – муж, тем более живущие во Христе не могут быть властны в теле своем. Тот, Кто пренебрежен ныне, Сам будет и судить тогда; о Нем помышляй постоянно, равно и о реке огненной. «Огненная река», говорит (пророк), «выходила и проходила пред Ним» (Дан.7:10); а кто Им предан огню, тому не дожидаться конца казни. Непристойные удовольствия этой жизни нисколько не отличаются от теней и сновидений; ибо прежде, чем окончится греховное дело, удовольствие исчезает, а наказания за него не имеют конца. Сладость кратковременна, а горечь вечна. Что, скажи мне, постоянно в здешнем мире? Богатство ли, которое часто не остается и до вечера? Слава ли? Но послушай, что говорит один праведник: «дни мои быстрее гонца» (Иов.9:25). Как скороходы, не успев стать, уже уходят далее, так и слава не успеет придти, как уже улетает. Нет ничего драгоценнее души: это не безызвестно и тем, которые дошли до крайнего безумия. «Душе ничто не равноценно», сказал поэтически некто из внешних. Знаю, что ты стал гораздо слабее для борьбы с лукавым; знаю, что ты стоишь среди пламени удовольствий; но если скажешь врагу: удовольствиям твоим не служим и корню всех зол твоих не кланяемся, если возведешь очи горе, то Спаситель и ныне поборет пламень и ввергнувших тебя в огонь сожжет, а тебе среди печи пошлет облако и росу и «шумящий влажный ветер» (Дан.3:50), так что огонь не коснется ни помыслов твоих, ни совести; только ты сам не сожигай себя. Так, часто случалось, что укрепленных городов не могли разрушить оружия и машины внешних неприятелей, а измена одного или двоих из живущих в них граждан без труда предавала их врагам. И теперь, если никакой из внутренних помыслов не предаст тебя, то хотя бы лукавый придвинул извне тысячу машин, придвинет напрасно.

4. У тебя по благодати Божией, имеется много великих мужей, которые соболезнают тебе, возбуждают тебя, трепещут за твою душу: это – святой Божий Валерий, по всему брат его Флорентий, мудрый Христовой мудростию Порфирий и многие другие. Они ежедневно сетуют и непрестанно молятся, и давно получили бы то, о чем молятся, если бы ты захотел хотя немного освободиться из рук врага. Как же не странно, что другие доселе не отчаялись в твоём спасении, но непрестанно молятся о возвращении своего члена; а ты, однажды упав, не хочешь встать, но лежишь, только что не взывая ко врагу: рази, бей, не щади? «Разве, упав, не встают?» говорит пророчество Божие (Иер.8:4). А ты противишься этому и прекословишь; ибо падшему отчаяться значит не иное что говорит, как «упавший не встанет». Нет, прошу тебя, не делай

себе столько зла, не повергай нас в такую скорбь. Не говорю о твоём настоящем, когда тебе нет ещё и двадцати лет; но если бы ты много сделал, даже всю жизнь прожил во Христе и в крайней старости потерпел такое несчастье, то и тогда было бы не хорошо отчаиваться, но надлежало бы иметь в уме разбойника, оправданного на кресте, а также начавших трудиться в одиннадцатом часу и получивших плату за целый день. Но как не хорошо падшим в конце жизни отчаиваться, если они будут благоразумны, так не безопасно и питать себя надеждою и говорить: «теперь пока буду наслаждаться удовольствиями жизни, а после, потрудившись недолго, получу награду за все время». Я помню, что ты сам, когда многие советовали тебе ходить в музеи, часто говаривал: «а что, если я в скором времени худо окончу жизнь? – как приду к сказавшему: «не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день» (Сир.5:8)?» Вспомни эту мысль, и побойся вора: так Христос называет наш исход отсюда, потому что он постигает без нашего ведома. Представь себе житейские заботы – частные и общественные, страхи пред начальниками, зависть граждан, многократно угрожающую крайнюю опасность, труды, бедствия, рабские ласкательства, неприличные даже честным невольникам, плод трудов, погибающий ещё здесь, – что может быть бедственнее этого? А многим не удалось и вкусить плода трудов своих; но, проведши первый возраст в трудах и опасностях, они в то время, когда уже надеялись получить награду, отошли, ничего не имея при себе. Если даже и на земного царя едва ли кто, и по перенесении многих опасностей и по окончании многих войн, будет взирать с дерзновением, то как может небесного Царя увидеть тот, кто все время жил и воинствовал для другого?

5. Хочешь ли я изображу и домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее – власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а ещё прискорбнее – не иметь: если последнее, то напрасно было жениться; а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя – страх не малый; умерло преждевременно – плач неутешный; и во всяком возрасте о них различные заботы, и страхи и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг? Что же это за жизнь, Феодор, настолько делиться одной душой, столь многим служить, для столь многих жить, а для себя – никогда? У нас же нет ничего такого, любезный, и в этом призываю в свидетели тебя самого. Уже в то краткое время, в которое ты захотел выплыть из волн (житейского моря), знаешь, какую ты наслаждался радостью и веселием. Никто не свободен, кроме того, кто живет для Христа: он стоит выше всех бедствий, и если он сам не захочет сделать себе зла, то другой никогда не будет в состоянии сделать ему это. Он неприступен, не терзается от потери имени; потому что знает, что «мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести» (1Тим.6:7); не уловляется честолюбием или славолубием, так как знает, что «наше же жительство – на небесах» (Фил.3:20); порицающий его не причиняет ему скорби, и бьющий не приводит в раздражение. Одно у христианина несчастье – оскорбить Бога, а прочее, как-то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, он и не считает за бедствие; даже то самое, чего все страшатся, – переход отсюда туда, – для него приятнее жизни. Как если бы кто, взойдя на высокую скалу, смотрел на море и на плывущих по нему, из которых одни обливаются волнам, другие ударяются о подводные камни, иные, стремясь в одну сторону, напором ветра, как узники, увлекаются в другую, многие уже погрузились в воду и, вместо корабля и руля, владеют только своими руками, многие несутся на одной доске или на каком-нибудь обломке корабля, а иные плывут уже мертвые, представляя многообразное многоразличное бедствие; так и воинствующий для Христа, удалившись от бури и волн житейских, восседает на безопасном и высоком месте. Что может быть безопаснее и выше, как иметь одну лишь заботу – о том, «как угождать Богу» (1Фесс.4:1)? Видишь ли, Феодор, кораблекрушения плавающих по этому морю? Посему, умоляю, убегай от бездны, убегай от волн, и займи высокое место, откуда невозможно быть увлечену; будет воскресение, будет суд, страшное судилище ожидает нас по отшествии отсюда: «всем нам должно явиться пред судилище

Христово» (2Кор.5:10). Не напрасно угрожают геенною, не тщетно уготовано столько благ. Тень и даже ничтожнее тени – житейския дела, сопряженные со многими страхами, со многими опасностями, с крайним рабством. Не губи же и того и этого века, когда возможно, если захочешь, с пользою проводить тот и другой. А что живущие во Христе получают пользу и от этого века, это утверждает Павел, когда говорит: «мне вас жаль» и еще, «говорю это для вашей же пользы» (1Кор.7:28, 35). Видишь ли, что «заботящийся о Господнем» и здесь выше женившегося? Для отошедшего туда невозможно покаяться; никакой ратоборец по выходе из ристалища и по закрытии зрелища не может продолжать борьбу. Об этом непрестанно помышляй, и сокруши острый меч лукавого, которым он умерщвляет многих. А этот меч есть отчаяние, которое у пораженных отсекает надежду. Крепко это оружие врага, и плененных он удерживает не иначе, как связав этими узами, которые мы, если захотим, скоро можем разорвать благодатию Божиею. Знаю, что я преступил меру письма; но прости: я сделал это не произвольно, а вынужденный любовью и скорбью, по которой я и принудил себя написать это письмо, тогда как многие удерживали. «Перестань трудиться напрасно и сеять на камне», говорили мне многие. Но я никого не послушал. Есть надежда, говорил я сам себе, что письмо, если Богу угодно, произведет какое-либо действие; если же случится противное нашему желанию, мы, по крайней мере, получим себе ту пользу, что нельзя будет винить нас в молчании, и что мы не будем хуже мореплавателей, которые, когда увидят, что люди одного с ними занятия, по разбитии корабля ветрами и волнами, несутся на доске, спустив паруса, бросив якорь и войдя в малую ладью, стараются спасти людей им незнакомых и только по этому несчастью делающихся знакомыми. Но если бы эти последние не захотели (спастись), то никто не стал бы винить в их гибели тех, которые старались спасти их. Это с нашей стороны; но мы веруем, что должное и от тебя последует по благодати Божией, и мы опять увидим тебя доблестным в пастве Христовой. О, если бы нам, молитвами святынь, скорее принять тебя, любезная глава, здравствующим истинным здравием! Если у тебя есть какое-нибудь внимание к нам и если ты не совсем изгнал нас из своей памяти, удостой отписать к нам; этим ты весьма обрадуешь нас.

К ВРАЖДУЮЩИМ ПРОТИВ ТЕХ, КОТОРЫЕ ПРИВЛЕКАЮТ К МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

Три слова под этим общим заглавием, из которых второе имеет еще надпись: к неверующему отцу, т. е. языческому, а третье: к верующему отцу, т. е. христианскому, написаны св. Иоанном Златоустым в 375 или 376 году, когда он сам жил между отшельниками и когда монашествующие подвергались жестокому преследованию, а доброжелатели их – разным укоризнам при арианствующем императоре Валенте.

СЛОВО ПЕРВОЕ

КОГДА потомки евреев, возвратившись из долговременного плена, хотели восстановить иерусалимский храм, многие годы лежавший в развалинах (2 Ездр. 4), тогда некоторые грубые и жестокие люди, не убоявшись и Бога, которому те восстанавливали храм, не тронувшись и бедствием этих людей, от которого они недавно и с трудом избавились, не устранившись и определенного от Бога наказания решаясь на такие дела, сперва сами старались препятствовать им строить храм; но так как ничего не достигли, то, послав к царю своему письмо, в котором город тот (Иерусалим) называли мятежным, заводящим новшества и браннолюбивым, просили себе позволение остановить постройку. Получив от него это позволение, и напав на Иудеев с многочисленною конницею, они прервали на время дело, весьма гордились этою победою, о которой надлежало плакать, и думали, что злой умысел удался им (1 Ездр. 4). Но это было только предвестие и начало тех бедствий, которые имели тотчас же постигнуть их самих: потому что самое дело преуспевало и получило блистательный конец, а они, и чрез них все, узнали, что, как тогда Митридат, так и всякий другой, кто бы ни решился вести борьбу против людей, предпринимающих доброе дело, борется не против людей, но, прежде их, против самого Бога, ими чтимого. А ведущему борьбу против Бога никогда невозможно кончить добром: в начале он, может быть, и не потерпит за свою дерзость никакого зла, если только не потерпит, потому что Бог зовет его к покаянию и дает ему придти в себя как бы из некоего опьянения; но, если он будет упорствовать в своем безумии и сам нисколько не воспользуется таким снисхождением, то, по крайней мере, другим доставит величайшую пользу, вразумляя их постигшим его наказанием никогда не вступать в борьбу с Богом, так как невозможно избежать Его неодолимой руки. Так и этих людей тотчас постигли такие бедствия, которые великостию горя затмили все другие бедствия; потому что после бесчисленных убийств и избиений, совершенных над ними руками иудеев, которым они тогда препятствовали (строить храм), от крови убитых земля промокла на значительную глубину и большая грязь образовалась от этой крови; а из конских и человеческих тел, перемешавшихся вместе, и из их соприкасающихся ран родилось такое множество червей, что и земля закрыта была множеством трупов, и самые опять трупы – множеством червей. Увидев это поле, всякий сказал бы, что внизу не трупы лежат, но течет много источников, со многих сторон приносящих этого рода животных: так от этой гнили сильнее всякого наводнения разливался поток червей! И это продолжалось не десять и не двадцать дней, но много времени. Таковы здешние бедствия; а те, которые постигнут их там, – еще много тяжелее этих. Тогда вновь ожившие тела их будут терпеть невыразимые муки и страдания, не тысячу и не десять тысяч лет, даже и не вдвое и не втрое против этого, но в бесконечные веки. О тех и других (наказаниях) знает блаженный Исаия, знает и созерцатель дивных видений Иезекииль, которые, разделив между собою, описали наказание таких людей, – один здешние, а другой тамошние.

2. Об этом вспомнил я теперь не без причины, а потому, что некто, пришедши к нам, сообщил весть горькую и тягостную и даже весьма оскорбительную для Бога. Есть (сказал он) и теперь люди, осмеливающиеся делать то же, что и те варвары, или даже еще более незаконное; потому что изгоняют отовсюду притекающих к нашему любомудрию и с великими угрозами запрещают и говорить что-либо о нем и учить ему кого бы ни было из людей. Услышав это, я тотчас вскрикнул, и многократно спрашивал рассказывавшего, не в шутку ли он говорит это. А он сказал: нет, я никогда не стал бы так шутить; не только не сказал бы и не выдумал этого, а напротив, много бы дал и часто молил бы, чтобы мне даже не слышать об этом деле и теперь, когда оно совершилось. Тогда, еще горше заплакав, я сказал: точно, это дело настолько нечестивее дерзостей Митридата и всех тех (иноплеменников), насколько этот храм (духовный) много досточтимее и святее того (иерусалимского). Но кто, скажи мне, и откуда те, которые

отважились на такое дело? Для чего, по какой причине и с какою целию они бросают камни вверх, мечут стрелы на небо, и ведут войну с Богом мира? Самей и фарафеи, ассирийские князья и все прочие (1 Ездры 4:9) были варвары, как это можно видеть и из самих имен их; по образу жизни далеки были от иудеев и не хотели видеть сопредельные им народы усиливающимися, полагая, что могущество этих (народов) затмит, наконец, их собственную силу. А эти из-за чего отважились на такое дело? Свобода ли их стесняется? Безопасность ли их нарушается? Содействует ли им кто из властителей? Тем соизволяли в их предприятии персидские цари; но наши (цари), я уверен, желают и требуют противного тому. Поэтому я и весьма изумляюсь, что при благочестивых царях, среди городов, как ты говоришь, отваживаются на такое дело. А что, сказал он, если ты узнаешь большую еще странность, что делающие это представляются благочестивыми и называют себя христианами, а многие из них уже и в числе посвященных (в таинства)? Даже кто то из них, по сильному внушению диавола, осмелился нечистым языком своим сказать, что он готов отступить и от веры и приносить жертву демонам, потому что душит его (негодование) при виде того, что люди свободные, благородные и могущие жить в удовольствиях, привлекаются к такой суровой жизни. Услышав это, я был еще сильнее поражен, и соображая, сколько зла произойдет отсюда, оплакивал всю вселенную и взывал к Богу: «возьми душу мою и выведи меня из бед моих» (3Цар.19:4; Пс.24:17); освободи от этой временной жизни и пересели в ту страну, где ничего такого и другой не скажет мне, и я не услышу. Знаю, что, по отшествии отсюда, обнимет меня кромешная тьма, где сильный плач и скрежет зубов; но мне приятнее слушать скрежет зубов, чем произносящих такие речи». Увидев, что я так сильно печалюсь, он сказал: «теперь не время этому; этими словами ты никогда не сможешь обратить погибших и погибающих; и зло, думаю, не остановится, а надобно позаботиться о том, как бы нам погасить этот костер и остановить заразу; это вот наша обязанность; и если ты хочешь послушаться меня, то, прекратив плач, составь увещательное слово к этим недужным и беспокойным, во спасение как им, так и всем вообще людям; а я, взяв эту книжку, положу ее, вместо всякого лекарства, в руки больных: так как между этими больными есть много друзей моих, то они позволят мне придти к ним и раз, и два, и многократно, и, я уверен, скоро освободятся от заразы». — «Ты, сказал я, мерою своей любви измеряешь и нашу силу; но у меня нет силы слова; если же и кажется, что есть, то употребить ее на такой предмет я стыжусь не кого-либо другого, но всех язычников, как настоящих, так и последующих. Их всегда я осуждал сколько за учение, столько же и за беспечную жизнь; а теперь вынуждаюсь ознакомиться с нашими пороками. Если некоторые из них узнают, что среди христиан есть люди, столь враждебные добродетели и любомудрию, что не только сами уклоняются от таких подвигов, но не выносят и речей в защиту их, даже и на этом не останавливаются в своем безумии, но если и другой кто станет советовать и говорить об этом, то и его отовсюду изгоняют; если услышат это (язычники), то боюсь, что они признают нас не людьми, но зверями и чудовищами человекообразными и какими-то демонами, губителями и врагами всей природы; и такое суждение произнесут не только о виновных, но и обо всем нашем народе». На это он, рассмеявшись, сказал: «ты шутишь, говоря так; а я скажу тебе еще прямее, если ты боишься, чтобы из твоих слов не узнали того, что все давно знают из дел; теперь как будто бы злой какой дух вселился в души всех, только и речей у всех на языке, что об этом: войдешь ли на площадь, или в лечебницы, или в какую бы то ни было часть города, где обыкновенно собираются люди, ничего не хотящие делать, — везде удивишь, какой смех все поднимают; а предметом этого смеха и забавы служат рассказы о том, что сделано со святыми мужами. Как иные воины, побывав во многих сражениях и одержав победы, весело рассказывают о своих подвигах, так и эти люди хвастают своими буйствами. Ты услышишь, как один говорить: «я первый наложил руки на такого-то монаха, и нанес ему удары;» другой: «я сам прежде других отыскал его келью»; «а я, говорит иной, сильнее других раздражил против него судью»; иной хвастает темницей и ужасами темницы, и тем, что он влачил тех святых по площади; иной другим чем-либо. Потом все

начинают смеяться над этим. И это (делается) в собраниях христиан, а язычники смеются и над ними, и над теми, над кем они издеваются; над первыми – за их дела, а над последними – за их страдания; и везде какая-то междоусобная война, а вернее – нечто гораздо худшее этой войны. Ведшие такую войну, когда после вспомнят о ней, то проклинают всячески зачинщиков ея, и все, что случилось на ней, приписывают злему демону, и те из них, которые больше других сделали на той войне, больше других и стыдятся; напротив, эти люди еще хвалятся своими буйствами. И не только потому эта война нечестивее той (междоусобной), что ведется против святых и ни в чем невиновных людей, но и потому, что (ведется) против таких людей, которые даже не умеют никому делать зла, а готовы только терпеть".

3. «Остановись, сказал я, остановись; довольно для нас и этих рассказов, чтобы мне не совсем лишиться дыхания; дай мне уйти хотя с небольшою силою. Приказание твое непременно будет исполнено; только не прибавляй нам никакого другого рассказа, но уйди и молись, чтобы рассеялось облако моего уныние и получил я от Бога, против Которого ведется эта война, некоторую помощь к уврачеванию восстающих на Него; а Он, конечно, подаст, как человеколюбивый и не хотящий «смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез.33:11; Иез.18:32). Таким образом отослав его, я приступил к этому слову. Конечно, если бы зло состояло только в том, что святые Божии и дивные мужи бывают схватываемы и терзаемы, влекомы на судилища и подвергаемы побоям и другим страданиям, о которых я сейчас рассказал, а на главу виновников такого буйства не обращалось никакого вреда; то я не только не стал бы скорбеть о случившемся, но еще весьма много и с удовольствием посмеялся бы этому. Так малые дети, когда безвредно бьют матерей, возбуждают большой смех в тех, кого они бьют, и чем с большею раздражительностью делают это, тем более доставляют матерям удовольствия, так что они заливаются и надрываются от смеха, когда же дитя, делая это часто и порывисто, поранит себя или булавкою воткнутою в матерней одежде около пояса, или иголкою на груди матери, задевшю за руку дитяти: тогда уже мать, перестав смеяться, предается скорби больше самого пораненного и то лечит рану, то с сильною угрозою запрещает ему делать это впредь, чтобы опять не потерпеть того же самого. Так же и мы поступили бы, если бы видели в том деле детскую раздражительность и удар младенческий, не причиняющий им большого вреда. Но так как эти люди, хотя теперь, в пылу гнева, не предчувствуют, но спустя немного будут плакать, стонать и рыдать, не таким рыданием, как малые дети, но тем, что во тьме крошечной, что в огне неугасимом; то и мы с своей стороны сделаем то же, что – матери, с тем только различием от них, что не с угрозою и бранью, как они, но с ласковостию и полною кротостию скажем этим детям: «от этого святым мужам нет никакого вреда, напротив еще высшая награда и большее дерзновение; если мы станем говорить о будущих благах, вы, может быть, еще будете много смеяться, так как привыкли всегда над этим смеяться; а настоящему, хотя бы вы в тысячу раз более любили смеяться, вы непременно поверите, потому что не можете не верить, если бы и хотели, когда самые дела говорят против вас. Вы, конечно, слыхали о Нероне (этот человек был знаменит развратом; он первый и один при такой своей власти изобрел какие-то новые виды бесчинства и распутства). Этот Нерон, обвиняя блаженного Павла (который был ему современником) за то же самое, за что и вы – этих святых мужей (Павел, убедив самую любимую наложницу его принять учение веры, вместе с тем убедил ее прервать и нечистую с ним связь), обвиняя его за это, и называя и губителем, и обманщиком, и другими такими же именами, какие вы даете (отшельникам), сперва заключил его в узы, а как не мог заставить его, чтобы он перестал давать советы девице, то предал наконец смерти. Какой же отсюда произошел вред страдальцу? И какая польза злодею? Напротив, какой не было пользы умерщвленному тогда Павлу, и какого не было вреда убийце Нерону? Первый не воспевадается ли во всей вселенной, как ангел (говорю пока о настоящем), а последний не проклят ли всеми, как губитель и свирепый демон?»

4. «А о том, что там, если вы и не поверите, необходимо сказать для верующих, хотя и вам надлежало бы на основании здешнего верить и тамошнему. Впрочем, как бы вы ни отнеслись к этому, мы скажем и не скроем». Каково же будет тамошнее? Тот несчастный и жалкий (Нерон), объятый горестью и скорбью, покрытый стыдом и мраком, с поникшим взором, отведен будет туда, где червь неумирающий и огонь неугасающий, а блаженный Павел с великим дерзновением, станет пред самым престолом Царя, светло блистая и облекшись такою славою, что ни в чем не уступит ангелам и архангелам, и получит такую награду, какая следует человеку, предавшему тело и душу свою за веление Божии. Так, великое воздаяние уготовано делающим добро, но оно бывает больше и обильнее, когда делающие это добро подвергаются еще опасностям и великому бесчестию; пусть доброе дело будет одинаково, как у того, кто сделал его без труда, так и у того, кто совершил его с трудами; но почесть и венцы будут не одинаковы. Так и на войне (всякий) одержавший победу, конечно, награждается, но много более – тот, кто может еще показать у себя и раны, которыми он приобрел победу. Но что говорю я о живых, когда даже те, которые только тем и заявили себя, что храбро умерли на войне, а ничего более не сделали полезного соотечественникам, прославляются во всей Греции, как спасители и защитники! Неужели вы и этого не знаете, предаваясь постоянно смеху и забаве? Если же люди языческие и не имеющие ни о чем совершенно здравых понятий смогли понять это и великою честью почтили тех, которые только умерли за них, а больше не сделали ничего; то не гораздо ли более сделает это Христос, который страждущим за Него всегда дарует воздаяние с великим преизбытком? Подлинно великую награду Он назначил за перенесение не только гонений, ран, уз, убийства и смерти, но и одного лишь оскорбление и поносительных слов. «Блаженны вы», говорит Он, «когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах» (Лук.6:22,23). Итак, если перенесение страданий и злословий доставляет награду страждущим и злословимым; то препятствующий им страдать и слушать злословие доставляет пользу не им, а тем, которые говорят и делают зло. Им, напротив, причиняет он вред, лишая их высшей награды и отнимая у них основание большей радости и ликования, так что для них надлежало бы (нам) молчать и дать совершиться тому, что приготовляет им великое обилие благ и наибольшее дерзновение. Но так как мы члены друг друга, то, хотя бы сами они и отвергали дар, нам при таком взаимном отношении не должно, заботясь об одной части, оставлять без внимания другую. У тех (отшельников), если они теперь и не пострадают, будет иной случай заслужить добрую славу, а эти, если не прекратят вражды против них, не смогут уже спастись. Посему, оставив тех, останавливаюсь на вас, и прошу и умоляю последовать нашим увещаниям, не направлять более меча на самих себя, не идти против рожна, и не огорчать, думая оскорблять людей, Святого Духа Божия. Я знаю и уверен, что вы, если не теперь, то впоследствии одобрите этот наш совет; но желаю, чтобы вы сделали это теперь же, дабы после не делать этого напрасно. Так и тот богач (Лук. 16:19 и сл.), пока был здесь, считал пророков и закон и их наставление баснею и пустословием, а после того, как отошел туда, стал так уважать их увещания, что сознавая, что сам уже не в состоянии получить никакой пользы от этого уважения, просил патриарха послать кого-нибудь из ада с вестию к живущим на земле, боясь, чтобы и они не испытали некогда того же самого, и, посмеявшись над божественным Писанием, не стали уважать его тогда, когда уже не будет им никакой пользы от этого уважения. Между тем этот богач не сделал ничего такого, что вы делаете. Правда, он не уделял из своего имение Лазарю; однако, другим, которые хотели подавать, не препятствовал и не удерживал их, как вы теперь. И не этим одним вы превзошли его в жестокости, но еще и другим; потому что, как не все равно – самому ли не делать никакого добра, или и другим, желающим, препятствовать делать его, так не все равно – самому ли терпеть недостаток в телесной пище, или и одержимому сильным голодом любомудрие препятствовать питаться от других. Таким образом, вы вдвойне превзошли того жестокого богача, –

тем, что препятствуете другим утолять голод, и тем, что оказываете такое бесчеловечие в то время, когда гибнет душа. Так поступали некогда и иудеи. Они запрещали апостолам говорить людям о том, что необходимо для спасения (Деян. 4:18; 5:40). А вы хуже и их: они все то делали, как открытые враги, а вы, надев личину друзей, поступаете по-неприятельски. Они тогда били, поносили и бесславили святых апостолов, называя их чародеями и обманщиками: за то и постигла их такая казнь, что никакое несчастье не может сравниться с их бедствиями; ибо они первые и одни из всех людей, живущих под солнцем, пострадали так, как никто другой. Достоверный свидетель этому – Христос, который сказал: «будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Матф.24:21). Пересказывать все эти страдания их теперь не время, но из многого немного сказать необходимо. Впрочем скажу не своими словами, но словами иудея, который подробно описал их бедствие ¹. Что же он говорит? Рассказав о сожжении храма, и описав те необычайные бедствия, он говорит:

5. «Что до храма, он был в таком именно положении; а по городу валялось несчетное множество умирающих с голода, и происходили невыразимые ужасы. В каждом доме, где только показывалась хотя тень пищи, была война, и самые близкие друзья дрались между собою, чтобы отнять друг у друга жалкие средства жизни. Не верили даже умирающим, что у них нет пищи; но разбойники обыскивали и издыхающих, не притворяется ли кто умирающим, держа у себя за пазухою какую-либо пищу. Иные, разинув рот от голода, как бешенные псы, блуждали и бегали туда и сюда, толкаясь в двери подобно пьяным, и с отчаянием вторгались в одни и те же дома по два и по три раза в один час. Нужда все отдавала зубам; собирали и не гнушались есть даже то, что негодно даже для самых нечистых из бессловесных животных; не отказывались наконец от поясов и башмаков; сдирали и со щитов кожи и жевали их. Пищею для иных служили и клочья старого сена; а некоторые собирали помет, и самую малую меру его продавали за четыре аттика ². Но зачем говорить о бесстыдстве голодных по отношению к вещам бездушным? Укажу на такое действие их, о каком не повествуется ни у еллинов, ни у варваров, о котором и сказать страшно, и слушать невероятно. Чтобы потомки наши не подумали, будто я выдумываю небывалое, я с удовольствием умолчал бы об этом несчастье, если бы у меня не было бесчисленного множества свидетелей из моих современников; с другой стороны, я оказал бы отчизне плохую услугу, опустив из рассказа то, что она потерпела на самом деле. Одна женщина из числа заиорданских жителей, по имени Мария, дочь Елеазара, из селения Вифезо, что значит дом иссопа, знатная по происхождению и богатству, прибыв вместе с множеством других в Иерусалим, подверглась осаде. Все имущество ее, какое она взяла с собою из Нерееи и принесла в город, разграбили те, которые захватили власть над городом; а остатки запасов и все, что заготовляла она себе в пищу, расхищали оруженосцы, которые ежедневно вторгались к ней. Сильное негодование овладело женщиною, и она часто своею бранью и проклятиями раздражала против себя грабителей. Так как никто, ни от гнева, ни из жалости, не убивал ее, и хотя она и старалась найти что-либо съестное в других местах, но нигде уже невозможно было найти, а голод терзал ее утробу и мозги и еще сильнее голода воспламенял ее гнев; то, под влиянием раздражения и крайности, она восстала на природу, и, схватив свое дитя (у ней был грудной мальчик), сказала: несчастное дитя, для кого, во время этой войны, голода и возмущения, я буду беречь тебя? У римлян, если мы и будем жить, под их владычеством (ожидает нас) рабство, этому рабству предшествует голод, а того и другого тяжелее бунтовщики: так будь же для меня пищею, для бунтовщиков фуриею, а для мира баснею, которой только и недостает в бедствиях иудеев. И с этими словами, она убивает сына; потом, изжарив его, половину съедает, а остальное скрывает и сберегает. Вскоре пришли бунтовщики и, ощутив необычайный запах, начали грозить, что тотчас убьют ее, если не покажет им, что она приготовила. А она сказав,

¹ Иосиф Флавий, О войне иудейской. Кн. VI, гл. III, 3–5.

² Аттическая драхма употреблявшаяся у евреев (Матф. XVII, 27, Лук. XV, 8) 1/4 статера = около 20 копеек серебром.

что сберегла для них прекрасную долю, показала остатки своего сына. Ужас и изумление тотчас объяли их и они окаменели при этом зрелище. Это родное дитя мое, сказала она, это мое произведение, ешьте, я уже ела; не будьте нежнее женщины и жалостливее матери; если же вы богобоязливы и гнушаетесь моим приношением, то как я уже половину съела, так мне же пусть достанется остальное. После этого они ушли, объятые трепетом, в этом одном оказавшись робкими и только эту пищу уступив матери. Тотчас весь город исполнился негодования, и всякий, имея пред глазами такое страшное дело, ужасался, как будто бы сам был виновником его. Голодавшие желали смерти и называли счастливыми тех, кто умер ранее, не слышав и не видев таких бедствий. Скоро разгласилось это страшное дело у римлян; одни из них не верили, другие жалели, большинство же еще сильнее возненавидело этот (иудейский) народ.»

6. Такие, и гораздо еще более тяжелые, бедствие потерпели иудеи, не только за то, что распяли Христа, но и за то, что впоследствии препятствовали апостолам говорить, что нужно для нашего спасения. В этом обвинил их и блаженный Павел и предсказал им эти бедствия, сказав: «приближается на них гнев до конца» (1Фесс.2:16). Но как, скажут, это идет к нам? Мы не отклоняем от веры и проповеди. А какая, скажи мне, польза от веры, когда нет жизни чистой? Но вы и этого, может быть, не знаете, так как и все наше не знакомо вам; посему я приведу вам изречение Христовы, а вы рассмотрите, ужели тогда (в день суда) вовсе не подвергнется суду жизнь, но определится наказание только за веру одну и догматы? Так Христос, взошедши на гору и увидев окружающий Его во множестве народ, после других наставлений сказал: «не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного»; и: «многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Матф.7:21–23; Лук.13:27). Далее, всякого, кто слушает, но не исполняет слов Его, Он уподобил глупому человеку, который строит дом на песке и делает его удоборазрушимым от рек, дождей и ветров (Матф. 7:26, 27). И в другом месте проповедуя, Он говорит: «как рыбаки, извлеки сеть, выбрасывают вон худую рыбу; так будет и в тот день, когда ангелы ввергнут в печь всех грешников» (Матф.13:47–50). Также, беседуя о развратных и нечистых людях, Он сказал, что они отойдут туда, где червь не умирающий и огонь не угасающий (Марк. 9:43 и сл.). И еще, «царь», говорит, «сделал брачный пир для сына своего», и, «увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю» (Матф.22:2,11–13; Зах. 3:3). Вот чем он угрожает людям развратным и распутным. А девы, не впущенные в чертог жениха, потерпели это за немилосердие и нечеловеколюбие. Да и другие опять, за эту же самую вину, пойдут «в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Матф.25:41). Осуждаются даже те, которые произносят пустые и праздные слова: «от слов своих», говорит, «оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Матф.12:37). Ужели же тебе кажется что напрасно мы боимся за жизнь и заботимся с великим усердием о нравственной части любомудрия? Не думаю; разве скажешь, что и Христос напрасно говорил все это и еще многое сверх этого: не все здесь приведено. А если бы я не затруднялся написать длинное слово, то научил бы и из пророков, и из блаженного Павла, и из других апостолов, какое попечение Бог явил об этой части. Впрочем, считаю достаточным и это, или лучше, не только это, но и малую часть сказанного; потому что, когда говорит Бог, то, хотя бы Он сказал однажды, должно принимать сказанное так, как бы оно было сказано многократно.

7. Что же, скажут, разве остающиеся дома не могут совершать те добродетели, неисполнение которых приносит такое наказание? Хотел бы и я не меньше, а гораздо больше вас, и часто молил, чтобы миновалась надобность в монастырях и такой бы настал добрый порядок в городах, чтобы никому никогда не нужно было убегать в пустыню. Но так как все пошло вверх

дном, и города, где судилища и законы, полны великого беззаконие и неправды, а пустыня произрастает обильный плод любомудрия, то справедливость требует, чтобы вы винили не тех, которые желающих спастись исторгают из этой бури и волнение и руководят к тихой пристани, но тех, которые каждый город делают столь недоступным и непригодным для любомудрия, что желающие спастись принуждены бывают убегать в пустыни. Скажи мне, если бы кто в полночь, взяв свечу, зажег большой и многолюдный дом, злоумышляя против спящих там, то кого мы назвали бы злым, того ли, кто будит спящих и выводит из этого дома, или того, кто сначала подложил огонь и поставил в такую крайность как живущих в доме, так и выводящего их? Также, если бы кто увидев, что какой-либо город находится во власти тирана, поражен болезнию и волнуется мятежем, убедил, кого мог из живущих в этом городе, бежать на вершины гор, а убедив вместе и помог бы им при этом удалении, то кого стал бы ты винить: того ли, кто обуреваемых среди города людей перевел из этой бури в ту тишину, или того, кто произвел такое кораблекрушение? И не думай, будто дела человеческие теперь в лучшем положении, нежели город, утесняемый тираном; нет они в положении, гораздо более тяжелом; потому что не человек, а какой-то лукавый демон, захватив, как свирепый тиран, всю вселенную, вселился со всем своим воинством в человеческие души; потом оттуда, как бы из какого кремля, ежедневно посылает всем нечестивые и злобные повеления, не браки только расторгает, не деньги приносит и уносит, не убийства несправедливые совершает, но, что много тяжелее этого, душу, уже сопрягшуюся с Богом, отлучает от общения с Ним, предаёт нечистым стражам своим и заставляет сообщаться с ними. А они, раз овладевши ею, обращаются с нею так гнусно и оскорбительно, как свойственно лукавым демонам, сильно и страстно желающим нашего позора и гибели. Сняв с нея все одежды добродетели, одев ее в рубища порочных страстей, грязные, изорванные и зловонные, которые позорят ее более, чем нагота, и наполнив ее еще всякою свойственною им нечистотою, они непрестанно хвастаются наносимыми ей поруганиями. И не знают никакой сытости в этом гнусном и непотребном обращении с нею, но, как пьяницы, когда уже сильно напьются, тогда еще более разгорячаются, так и они тогда особенно неистовствуют и сильнее и свирепее нападают на душу, когда наиболее повредят ей, поражая и уязвляя ее со всех сторон и вливая в нее свой яд; и отстают не прежде, как когда приведут ее в одинаковое с собою состояние, или увидят, что она уже отрешилась от тела. Какой же тирании, какого плена, какого возмущения, какого рабства, какой войны, какого кораблекрушения, какого голода не бедственнее это состояние? Кто так жесток и суров, кто так слабоумен и бесчеловечен, так неосстрадателен и безжалостен, что не захочет душу, терпящую столько позора и вреда, освободить, по мере сил своих, от этого окаянного неистовства и насилия, но оставит ее страдание без внимания? Если же это свойственно только жестокой и каменной душе, то как, скажи мне, мы отнесемся к тем, которые, сверх такого невнимания, делают еще другое, гораздо большее зло, которые людей готовых броситься в самую средину опасностей, не отказывающихся вложить руки свои в самую пасть зверя, но решающихся вытерпеть и смрад, и опасности, чтобы вырвать уже поглощенные души из самых челюстей демона, не только не хвалят и не одобряют, но еще гонять везде и преследуют?

8. Что же, скажет кто-нибудь, разве все живущие в городах погибают и обуреваются, и должны, оставив города безлюдными, переселиться в пустыню и жить на вершинах гор? Ужели ты повелеваешь это и узаконяешь? – Нет, напротив я, как раньше уже сказал, и желал и молюсь, чтобы мы наслаждались таким миром и тирания этих зол была бы настолько разрушена, чтобы не только живущим в городах не было нужды удаляться в горы, но и обитающие в пустынях, как долго скрывавшиеся беглецы, опять возвратились в свой город. Но что мне делать? Боюсь, чтобы, стараясь возвратит их отчизне, вместо этого не отдать их в руки лукавых демонов и, желая избавить от пустыни и бегства, не лишит всякого любомудрие и спокойствия. Если же ты указанием на многочисленность живущих в городе думаешь смутить и утратить меня, предполагая, что я не решусь осудить (на гибель) всю вселенную, то я возьму изречение

Христово и с ним стану против этого возражения. И ты, конечно, не решишься на такое дерзкое дело, чтобы противоречить определению Того, Кто будет тогда судить нас. Что же Он говорит? «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф.7:14). Если же мало находящихся, то гораздо менее могущих пройти этот путь до конца. Не все же, кто вступил на начало, имели силы остаться на нем и до конца; но одни потонули в самом начале, другие в середине, а многие – даже у самой пристани. И в другом месте Он говорит, что «много званных, а мало избранных» (Матф.20:16). Если же Христос объявляет, что погибающих более, а спасение ограничивается немногими, то что споришь со мною? Думая заградить нам уста тем, что мы не посмеем осудить такое множество, ты делаешь то же самое, как если бы, при разговоре нашем о случившемся во времена Ноя, стал изумляться, ужели все погибли, а только два или три человека избежали такого наказания. Но мы этим не убедимся и истине не предпочтем многолюдства; потому что и нынешние дела несколько не маловажное тогдашних, но тем более преступны, что за них уже угрожают геенною, и однако же зло не пресекается. Скажи мне, кто не называет брата глупцом? А это подвергает огню геенскому. Кто не смотрел на женщину похотливыми глазами? А это – уже совершенное любодеяние, любодей же неизбежно впадает в ту же геенну. Кто не клялся? А это, конечно, от лукавого; а что от лукавого, то несомненно заслуживает наказания. Кто не завидовал когда-нибудь другу? А это делает нас худшими язычников и мытарей; а что худшим их не избежать наказания, это для всякого очевидно. Кто совсем изгнал из сердца гнев и простил грехи всем против него погрешившим? А что не простивший будет неизбежно предан мучениям, этому не станет противоречить никто из слышавших Христа. Кто не служит мамоне? А кто стал служить ей, тот необходимо уже отказался от служения Христу, отрекшийся же от этого, необходимо отрекся и от собственного спасения. Кто не злословил тайно? А таких и Ветхий Завет повелевает убивать и лишать жизни. Чем же утешаемся мы в своем несчастном положении? Тем, что все, как бы по уговору какому, низринулись в бездну порока. Но это самое и есть важнейшее доказательство усиление болезни, когда нам доставляет утешение в несчастьи то, что должно быть причиною большей скорби. Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания. Если же кто пришел уже в отчаяние от сказанного, тот пусть подождет немного, и тогда впадет в большее отчаяние, когда мы скажем о гораздо более тяжком, например, о клятвопреступлениях. По истине, если клясться – дело дьявольское, то какому наказанию подвергнет нас преступление клясть? Если название (брата) глупцом навлекает геенну, то чего не сделает опозорение брата, часто ничем не обидевшего нас, бесчисленными поносными речами? Если одно злопамятование достойно наказания, то какого мучение заслуживает мстительность? Но теперь еще не (время говорить) об этом; пусть сберегается оно для своего места. Не говоря о прочем, того самаго, что заставило нас вести настоящую речь, – этого одного недостаточно ли для обличение злокачественной нынешней болезни? Подлинно, если не чувствовать своих беззаконий и грешить без всякой о том скорби есть крайний предел порочности; то где поставить нам новых законодателей этого необычайного и нелепейшего закона, которые с большею дерзостью изгоняют учителей добродетели, нежели другие – учителей порока, и желающих исправлять (порочных) преследуют сильнее, нежели согрешивших; а лучше сказать, к этим не питают и неудовольствие и никогда их не осуждают, а тех, напротив, рады были бы съесть, и только что не кричат и словами и делами своими, что надобно крепко держаться порока и никогда не возвращаться к добродетели, так что мы должны преследовать не только стремящихся к ней, но и осмеливающихся подать голос за нее?

СЛОВО ВТОРОЕ К НЕВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ

ДОВОЛЬНО и того ³, чтобы возбудить изумление и ужас. И если бы кто теперь при этом произнес пророческое изречение: «подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь» (Иер.2:12), и: «изумительное и ужасное совершается в сей земле» (Иер.5:30), все это он сказал бы благовременно. Но вот что тяжелее этого: негодуют и сердятся не только чужие и нисколько не близкие к тем, кому дается совет ⁴, но стали гневаться на это сродники и отцы. Впрочем, мне не безызвестно, что многие не очень удивляются тому, что так поступают отцы; а задыхаются, по их словам, от гнева, когда видят, что не отцы, не друзья, не сродники и не близкие с какой-либо другой стороны, а часто даже вовсе незнакомые к решающимся любомудрствовать относятся точно так же, и больше, чем отцы, досадуют, и преследуют и обвиняют тех, которые расположили их (к монашеству). Но мне удивительным кажется противное; потому что нет ничего странного в том, что не имеющие никакого основания оказывать заботливость и дружбу скорбят о чужом благополучии, то, увлекаясь завистью, то, по своей злобе считая, – конечно, безумно и жалости достойно, однако же, считая, – чужую гибель своим счастьем. Но что те, которые родили (детей), воспитали, каждый день молятся о том, чтобы видеть детей счастливее самих себя, и для этого делают и терпят все, – что и они как бы от какого опьянения вдруг переменяются и скорбят, когда дети их обращаются к любомудрию: вот этому более всего я удивляюсь, и это считаю достаточным доказательством всеобщей испорченности. Никто не скажет, чтобы это бывало и в прежние времена, когда явно господствовало заблуждение. Случилось, правда, однажды в греческом городе, бывшем под властью тирана, – притом не из родителей кто, как ныне, а овладевшие акрополем, вернее же и эти не все, но преступнейший из них, призвав Сократа, приказал ему не говорить о любомудрии. Но он дерзнул на это, как тиран, неверующий и жестокий, всячески старавшийся ниспровергнуть общественный строй, радовавшийся чужому несчастью и знавший, что ничто иное так не может расстроить самое прекрасное общество, как подобное приказание. А эти (родители), – верующие, живущие в благоустроенных городах и заботящиеся о детях своих, – отваживаются говорить то же самое, что тот тиран о подвластных ему, и – не стыдятся! Вот их негодованию надобно удивляться более, нежели (негодованию) других. Посему я, оставив других, обращусь к тем, которые особенно заботятся о детях, или лучше, должны бы заботиться, но совсем не заботятся, с речью тихою и весьма кроткою, и попрошу их не сердиться и не досадовать, если кто скажет, что он лучше их самих знает, что полезно их детям. Родить сына – мало для того, чтобы родивший уже и научил полезному рожденного им; рождение, конечно, много содействует любви к рожденному; но чтобы точно знать, что полезно ему, для этого не достаточно только родить и любить. Если бы это так было, то ни один человек не должен бы видеть лучше отца, что полезно его сыну, так как никто другой не может любить сына больше отца. Между тем и сами отцы делами своими показывают свое невежество в этом, когда сами ведут детей к учителям, поручают их воспитателям, со многими советуются, озабочиваясь избранием рода жизни, которому надобно посвятить сына. И удивительно еще не это, но то, что родители, при таком совещании о своих детях, часто отвергают свое собственное мнение и останавливаются на чужом. Пусть же они не досадуют и на нас, если скажем, что мы лучше знаем, что полезно для них; и только в том случае, если мы не докажем этого в слове, пусть обвиняют и укоряют нас, как хвастунов, губителей и врагов всей природы.

2. Каким же образом будет это очевидно и откуда мы узнаем, кто действительно видит, что полезно, и кто только думает, будто видит, а между тем совсем не видит? Таким образом,

³ О чем, т. е. сказано в конце первого слова.

⁴ Посвятить себя монашеской жизни.

если мы, выставив мои слова, как бы каких противников, на испытание и состязание, суждение об этом предоставим беспристрастным судьям. Хотя закон борьбы повелевает иметь дело с христианином и только с ним состязаться, а больше ничего не требует от нас: «ибо что мне судить и внешних» (1Кор.5:12); но так как у детей, стремящихся к небу, часто бывают отцы неверующие: то, хотя закон борьбы и освобождает нас от состязания с ними, мы сами добровольно и охотно выйдем против них первых. И, о если бы у нас состязание было только с ними, хотя оно и труднее и больше представляет столкновений! Ибо «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием» (1Кор.2:14); и здесь может быть тоже, как если бы кто стал убеждать возлюбить царство такого человека, который не хочет еще верить и в его действительность. Не смотря, однако же, на то, что наше слово так стеснено, я хотел бы, чтобы это состязание у меня было только с ними одними. Против верующего у нас, конечно, много доказательств, но удовольствие, доставляемое изобилием доказательств, помрачается чрезмерностью стыда; потому что я стыжусь, когда вынуждаюсь и с ним состязаться об этом; и боюсь, чтобы язычник не стал выставлять против меня только это одно, как справедливое возражение, так как во всем остальном я, по милости Божией, легко склоню его на свою сторону, и, если он захочет быть добросовестным, скоро доведу его не только до любви к этой (монашеской) жизни, но и до самого расположения к догматам, в котором жизнь эта имеет свое основание. Я так мало боюсь состязания с ним, что наперед еще более вооружу его моим словом, и потом уже приступлю к борьбе. Предположим, что этот отец не только язычник, но и богат и знаменит более всех людей, облечен великою властью и имеет много полей, много домов и тысячи талантов золота; пусть он происходит из царственнейшего города и от знатнейшего рода; пусть не имеет других детей и больше иметь их не надеется, и только об этом одном (сыне) беспокоится; пусть и сам сын с блестящими надеждами и скоро надеется достигнуть такой же власти и даже сделаться знаменитее отца и затмить его во всем житейском. Среди таких надежд пусть затем придет кто-нибудь, побеседует с ним о любомудрии и убедит его, презрев все это, одеться в грубую одежду и, оставив город, убежать в горы и там садить, поливать, носить воду и исправлять все другие монашеские работы, кажущиеся мало-важными и унижительными. Пусть будет он без обуви, спит на земле, сделается худ и бледен, — этот прекрасный юноша, живший в такой роскоши и в почете и имевший такие надежды, — и пусть будет одет беднее рабов своих. Не довольно ли оснований (к жалобам) дали мы обвинителю, и недостаточно ли вооружили противника? Если же не достаточно, то доставим ему и другие предлоги. Пусть после этого (отец) употребляет все меры к тому, чтобы переубедить сына, и все напрасно, как будто сын его стоит на камне, выше рек, дождей, и ветров; пусть плачет и проливает слезы, чтобы возбудить против нас сильнейшее негодование, и пред всеми постоянно обвиняет нас, так: я родил, воспитал, трудился целую жизнь, делая и терпя все, что обыкновенно случается при воспитании детей, имел добрые надежды, советовался с воспитателями, призывал учителей, тратил деньги, часто не спал ночей от забот о благоустройении и образовании его, чтобы он ни в чем не отстал от своих предков, но оказался бы еще славнее всех; ожидал, что он утешит меня в старости; с течением времени думал об его жене и браке, о начальстве и власти. Но вдруг как бы какая гроза или буря откуда-то набежала, и богатый корабль, наполненный множеством груза, совершивший дальний путь по морю, плывший под благоприятным ветром и бывший уже близ самой пристани, затопила почти при входе в нее; и грозит опасность, чтобы буря не обрушила на голову такого богача не только бедность, но и жалкую смерть и погибель: так случилось теперь со мною. Проклятые губители и обольстители (пусть он говорит и это, мы не обидимся), лишив таких надежд питателя старости моей, как бы какие разбойники, увели в свои вертепы и так очаровали его своими речами, что он готов лучше идти на меч, в огонь, на зверей и на что бы то ни было, нежели возвратиться к прежней хорошей жизни. А еще тяжелее то, что, склонив его к этому, они говорят, будто лучше нас видят, что ему полезно. Опустили дома, опустели поля; исполнились печали и стыда земле-

дельцы и слуги; повеселели от моих бед враги; закрывается от печали друзья. Никакая мысль не занимает меня, разве подложить огонь и сжечь все – и дома, и поля, и стада волов и паствы овец. Какая будет мне от всего этого польза, когда нет уже того, кто стал бы пользоваться этим, когда он сделался пленником и у жестоких варваров несет рабство, тягчайшее всякой смерти? Я одел всех слуг в черную одежду, посыпал головы пеплом, собрал толпы женщин и приказал им оплакивать его сильнее, нежели когда бы видели его умершим. Простите меня, что я так сделал: это моя печаль более той. Уже тяжелым мне кажется свет, неприятны и самые лучи солнца, когда подумаю о положении этого несчастного сына, когда увижу его одетым хуже беднейших поселян и посылаемых на самые унижительные работы. Когда представлю его непреклонность, то воспаляюсь, терзаюсь, разрываюсь.

3. С этими словами пусть он повергается к ногам слушателей, посыпает пеплом голову, покрывает прахом лицо и умоляет всех подать (ему) руку, пусть рвет на себе седые волосы. Кажется, мы хорошо настроили обвинителя, чтобы воспламенить всех слушателей; и убедить их сбросить в пропасть виновников этого. Для того и довел я слово до крайнего предела всяких обвинений, чтобы, когда так сильно вооруженный будет побежден нами по благодати Божией, другие не могли ничего сказать; потому что, если будут заграждены уста у имеющего все это вместе, то не имеющий всего этого вместе (все же это сойтись вдруг не может) легко уже уступит нам победу. Пусть же он говорит это и еще больше этого. А я попрошу судей, чтобы они не теперь жалели этого старца, но когда мы докажем, что он горюет о сыне, который не потерпел никакого зла, а наслаждается великими благами, такими, выше которых нельзя и найти других. Тогда он действительно будет достоин жалости и слез, потому что он не в состоянии понять счастье своего сына, и даже так далек от этого, что оплакивает его, как бы находящегося в величайшем несчастье. С чего же начнем слово к нему? С богатства и денег, так как и он сам больше всего скорбит об этом, и всем кажется самым ужасным именно то, если богатые юноши привлекаются к этой (монашеской) жизни. Скажи мне, кого все мы ублажаем и называем достойным подражанием: того ли, кто постоянно томится жаждою и прежде, чем выпьет первую чашу, чувствует уже нужду в другой, и в таком состоянии находится всегда, или того, кто стоит выше этой потребности, всегда свободен от жажды и никогда не чувствует нужды в таком питии? Первый, не похож ли на больного горячкою, который томится самою жестокою жаждою, хотя и может черпать воду из источников, а последний, не свободен ли истинною свободою, не здрав ли истинным здоровьем, и не выше ли человеческой природы? Что еще? Если бы кто, любя женщину, постоянно жил с нею, но от сожительства только бы сильнее воспламенялся к ней, а другой был бы свободен от этой безумной страсти и даже во сне не уловлялся бы похотью: кто из них для нас достойный подражания и блажен? Не этот ли? А кто несчастен и жалок? Не тот ли, который страдает этою тщетною любовью, ничем неугасимую и от придумываемых лекарств еще более возбуждаемую? Если же, сверх сказанного, он считает себя счастливым в болезни и сам не хочет освободиться от этой потребности, и даже оплакивает, как теперь этот (отец), свободных от этой страсти: в таком случае, не более ли еще он несчастен и жалок, потому что не только болен, но даже и не знает, что он болен, а поэтому и сам не хочет освободиться (от болезни), и свободных от нее оплакивает? Поведем же речь о страсти к деньгам и посмотрим кто несчастен и жалок? Эта страсть сильнее и неистовее тех и может причинить более скорби, не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается никакому придумываемому облегчению и гораздо упорнее тех. Любящие вино и плотские удовольствия, после наслаждения, скорее почувствуют пресыщение, нежели одержимые безумным пристрастием к богатству. Тех потому мы и вынуждены были изобразить словом, что не скоро можно увидеть на опыте такие явления, и этой болезни много примеров можем представить из опыта. Так по этому ли, скажи мне, ты оплакиваешь сына, что он освободился от такого безумия и такой опасности, что не предается неизлечимой страсти, что стал вне этой войны и борьбы? Но с ним, скажешь, не случилось бы этого, он не стал бы желать

большого, но для него довольно было бы пользоваться тем, что есть? Теперь ты говоришь то, что противно, так сказать, природе. Но пусть будет и так; допустим на словах, что он не захочет приращивать своего имения и не увлечется этою страстью: но и в таком случае я докажу, что он наслаждается теперь большим спокойствием и удовольствием. Что легче, заботиться ли о столь многом, быть связанным такою бдительностью и рабством, и страшиться, как бы не погибло что-нибудь из имения, или быть свободным и от этих уз? Положим, что он не пожелает других тяжестей: но гораздо лучше отвергнуть и те, которые уже наложены; потому что, если не нуждаться в большем считается величайшим благом, то не иметь нужды и в том, что есть, было бы еще большим счастьем. Доказано уже, что человек, не мучимый жаждою и любовью (ибо ничто не препятствует обратиться к прежним примерам), гораздо блаженнее не только тех, которые постоянно жаждут и всегда распаляются любовью, но и тех, которые хотя не надолго подвергались этому и удовлетворяли похоти, так как он вовсе не испытал такой потребности. Опять спрошу тебя: если бы можно было и превосходить всех богатством, и быть свободным от бедствий, происходящих от богатства, то ужели ты не пожелал бы тысячу раз такого счастья, чтобы не страдать ни от зависти, ни от клеветы, ни от забот, ни от другого чего-либо подобного? Итак, если мы докажем, что сын твой и это имеет, и что он теперь гораздо богаче, перестанешь ли ты, наконец, плакать и жаловаться так горько? Против того, что он освободился от забот и прочих, неразлучных с богатством бедствий, и сам ты спорить не будешь: посему и нам нет надобности говорить с тобой об этом. Но ты хочешь знать, как это он богаче тебя, у которого столько имущества? И этому мы научим тебя и покажем, что ты, думающий о нем, будто он теперь в крайней бедности, сам таков в сравнении с ним.

4. Не думай, что мы станем говорить о благах небесных и имеющих быть после отшествия отсюда; мы употребим в доказательство пока те блага, которые у нас в руках. Итак, ты – господин только собственного твоего имущества, а он – всего, что есть во всей вселенной. Если же ты не веришь, то мы поведем тебя к нему и убедим его, что бы он, сошедши с горы, или лучше, оставаясь там, приказал кому-либо из очень богатых и благочестивых прислать (к нему) столько золота, сколько ты хочешь; или, так как он не возьмет себе этого, приказал бы лучше отдать золото кому-нибудь нуждающемуся: и ты увидишь, что этот богач послушается и даст с большею готовностью, чем кто-нибудь из твоих домоправителей. Этот последний, когда ему приказывают истратить что-нибудь, бывает скучен и угрюм, а тот напротив, когда не тратит, тогда и беспокоится, не провинился ли в чем-нибудь, что ему ничего такого не приказывают. И я могу указать многих, не только из знатных, но и из простого состояния – таких, которые имеют столь великую силу. Притом же ты, если твои домоправители растратят вверенное им, не можешь вытребовать (от них) другого, и от их злодейства твое богатство тотчас превратится в бедность; а сын твой не боится этого. Если один обеднеет, он прикажет другому, если и с этим случится то же, он обратится к иному, и скорее могут иссякнуть источники вод, нежели те, которые в этом будут послушны ему. Если бы ты держался нашего учения, то я рассказал бы тебе много подобных великих примеров, но так как ты принадлежишь язычеству, то и отсюда я могу представить пример. Послушай, что говорит Критон Сократу ⁵: «мои деньги принадлежат тебе, и, я думаю, их довольно; если же забота обо мне, ты не хочешь тратить моих денег, то иностранцы здесь готовы тратить свои; довольно серебра принес на это самое Симмиас фивский, готов и Кевис, и многие другие; итак по этому опасению, как я говорил, не отказывайся спасти себя; пусть не затрудняет тебя и то, что ты говорил на суде, т. е. что, по выходе отсюда, ты не знал бы, что делать с собою; и во многих других местах, куда бы ты ни пришел, полюбят тебя; если же захочешь отправиться в Фессалию, там есть у меня знакомые, которые окажут тебе великое уважение и доставят тебе безопасность, так что у тебя ни в чем не будет недостатка в Фессалии». Что приятнее такого богатства? Впрочем, это (сказано тебе) как человеку

⁵ В разговоре философа Платона: Критон, р. 45.

мирскому. Если же мы захотим рассуждать о богатстве с большим любомудрием, то ты, может быть, и не в состоянии следить за (нашим) словом; мне, однако же, необходимо сказать об этом для судей. Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько вожаденнее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю, хотя бы она была вся золотую – с горами, с морем и с реками. И если бы это было возможно, то ты на самом опыте узнал бы, что это – не слова только хвастливые, но что действительно нашедшие гораздо большее и важнейшее богатство станут презирать все прочее, и никогда не променяют его на это. И что я говорю: променяют? Они даже не захотят взять этого вместе с ним. Вам если бы кто давал богатство добродетели вместе с деньгами, вы взяли бы распростертыми руками: так и вы признаете его чем-то великим и дивным. Но те не возьмут вашего при своем: так они уверены в его ничтожестве. И это опять я объясню вашими примерами. Сколько, думаешь, денег дал бы Александр Диогену, если бы тот захотел взять? Но тот не захотел; а этот усиливался и предпринимал все, чтобы быть в состоянии когда-нибудь достигнуть богатства Диогенова.

5. Хочешь ли увидеть и с другой стороны свою бедность и богатство твоего сына? Так ступай, отними у него одежду, которая только одна и есть у него, выведи его из кельи, разори его убежище, и при этом ты не увидишь его недовольным и печальным, но он еще будет благодарить тебя за то, что ты ведешь его к большему любомудрию; а если у тебя кто отнимет только десять драхм, ты никогда не перестанешь плакать и горевать. Кто же богат: тот ли, кто терзается из-за малого, или – кто презирает все? И не только это сделай с ним, но изгони его из всей страны; и ты увидишь, что он станет смеяться над этим как над детскою игрою. Если бы тебя кто изгнал только из отечества, ты стал бы ужасно страдать и не перенес бы такого несчастья; а он, как собственник всей земли и моря, так легко и беспечно будет переходить с одного места на другое, как ты ходишь по своим полям, и даже еще легче; потому что тебе, хотя и можно ходить по своим полям, необходимо, однако же, проходить и по чужим, а он по всей земле пойдет, как по своей собственной. Питание ему везде доставляют в изобилии озера, и реки, и источники, а пища для него – овощи, травы и во многих местах хлебы. Не говорю еще тебе о том, что он презирает и всю землю, потому что город его – небо. И если должно будет ему умереть, он веселее примет смерть, чем вашу роскошь, и лучше пожелает умереть в таком состоянии, чем вы в отечестве и на постели; так что можно назвать странником, изгнанным и скитальцем, имеющего отечество и живущего в (своем) доме, а не его отрешившегося от всего этого. Даже изгнать его из отечества ты не можешь, пока не сгонишь со всей земли; пока так пусть будет сказано; а, говоря по правде, тогда именно и препроводишь его в отечество, когда сгонишь с земли. Но это еще не для тебя, не знающего ничего больше видимого. Не можешь ты представить его и нагим, пока он облечен одеждами добродетели; не изнуришь его голодом, доколе он знает истинную пищу. А богатые подвержены всему этому, так что и в этом отношении не ошибется тот, кто назовет их бедными и очень бедными, а тех действительно богатыми. Ибо кто может везде найти в изобилии и пищу, и питье, и жилище и отдых, и не только не тяготится, но даже веселее живет в этих обстоятельствах, чем вы в своих, – тот, очевидно, богаче всех вас богачей, которые всем этим можете пользоваться только дома. Оттого он никогда и не жалуется на бедность. Притом, такое богатство лучше не только по его изобилию и приятности, но и потому, что оно не истощимо, никогда не обращается в бедность, не подлежит неизвестности будущего, не причиняет забот и не поддается зависти, но пользуется удивлением, и похвалою, и всякою честью; тогда как у вас оказывается противное. Вас не только не хвалят за богатство, но многие даже ненавидят и отвращаются, завидуют вам и строят козни, он же, так как владеет истинным богатством, за это особенно и пользуется удивлением, поэтому и не преследуется ни завистью, ни кознями. А кто крепче здоровьем? Не владеющий ли таким богатством, как пользующийся чистым воздухом, и здоровыми источниками, цветами и лугами и свежим благоуханием, цветет и крепнет, подобно полевым животным, а тот, как бы лежащий в грязи, не слабее ли и не больше ли расположен к болезням? Если же он

имеет пред тем преимущество в здоровье, то, очевидно, и в удовольствии. Ибо кто, думаешь ты, больше наслаждается удовольствиями? Тот ли, кто покоится в высокой траве, у чистого источника, под тенью ветвистых деревьев, насыщает глаз созерцанием, имеет душу чище неба и находится вдали от шума и смятения, или тот, кто заключен в комнате? Мрамор, конечно, не чище воздуха, и тень от кровли не приятнее тени древесной, а пол каменный не лучше луга, – украшенного разными цветами. Свидетели этому вы, богачи, которые, если бы возможно было вам иметь на кровлях деревья и приятные луга, предпочли бы их золотой кровле и дивным стенам. Посему вы, когда является желание отдохнуть от множества трудов, оставляете эти (стены) и идете к тем (лугам). Но ты, может быть, скорбишь о той великой и важной славе, которой здесь совсем не видно? Сравнивая дворец с пустынею и тамошние надежды со здешними, ты думаешь, что сын твой упал с самого неба. Так наперед надобно узнать тебе, что ни пустыня не делает бесчестным, ни дворец – славным и знатным; и прежде, нежели приступим к умственным доказательствам, я рассею твое недоразумение примерами, не нашими, а вашими. Слыхал ты, конечно, о Дионисие сицилийском, слыхал и о Платоне, сыне Аристоновом. Кто же из них, скажи мне, был знаменитее, кто воспевается и всегда вспоминается устами многих? Не философ ли преимущественно пред тираном? Между тем этот владел всею Сицилией, проводил время в роскоши и в течение всей жизни был окружен богатством, копьеносцами и прочим блеском, а тот проводил время в саду Академии, сажал и поливал деревья, ел маслины, имел скудный стол и был чужд всего того блеска. И не столь удивительно еще это, как то, что он, и сделавшись рабом, и быв продан по воле тирана, не только не оказался вследствие этого бесславнее его, но и самому тирану показался за это достойным уважения. Такова добродетель! Она не только делами, но и страданиями своими не оставляет в темноте и неизвестности и саму себя и исполняющих ее. А учитель его, Сократ? Насколько он был знаменитее Архелая? Между тем этот был царь и жил очень богато, а тот проводил время в Лицее, не имел ничего кроме одной одежды, в которой являлся зимою и летом и во все времена года, ходил всегда без обуви, по целому дню оставался без пищи, питался одним хлебом, который и заменял для него все блюда и кушанья, даже и этого пропитания не имел дома, а получал его от других, проживая в такой крайней бедности; однако же, был настолько знаменитее того царя, что и после многократных приглашений его к нему не хотел оставить Лицея и пойти к его богатству. Из господствующего ныне мнения о них видно и то, что было прежде: их имена известны многим, а тех (Дионисия и Архелая) – никому. Еще иной философ синопский (Диоген) настолько был богаче многих таких царей, – хотя и ходил в рубищах, – что (Александр) македонский сын Филиппа, когда вел войско против персов, оставив все, пошел посмотреть на него, и спрашивал, не нуждается ли он в чем и не прикажет ли чего; а тот отвечал, что ни в чем (не нуждается). Не довольно ли тебе примеров, или хочешь, чтобы мы напоминали и о других? Эти мужи сделались знаменитее не только знатных царедворцев, но и самого царя, избрав частную и мирную жизнь и не захотев даже приближаться к делам общественным. Но и в самом обществе гражданском увидишь прославившимися не тех, которые жили в богатстве, роскоши и изобилии, а тех, которые проводили жизнь в бедности, в простоте и скромности. У афинян – Аристид, которого, по смерти, похоронило на свой счет государство, был настолько знаменитее Алкивиада, отличавшегося и богатством, и происхождением, и роскошью, и силою слова, и да крепостью тела, и благородством, и всем другим, насколько дивный философ – какого-нибудь простого мальчика. У фивян – Епаминонд, человек, который, получив приглашение в собрание, не мог придти туда, потому что одежда его находилась в мытье, а другой для перемены он не имел, был знаменитее всех тамошних военачальников. Так не говори же мне ни о пустыне, ни о дворце; слава и знатность не в местах, не в одеждах, не в сане и не во власти, но только в душевной доблести и любомудрии.

6. Но так как примеры не имеют (решающей) силы, то поведу речь о самом твоём сыне. Мы найдем, что он не только стал теперь знаменитее, но почтеннее, и потому самому, за что

ты называешь его бесславленным и униженным. Убедим его, если хочешь, сойти с горы и войти на площадь: и ты увидишь, что весь город обратится (к нему), и все станут указывать на него, удивляться ему и изумляться, как если бы ангел какой сошел с неба. Что же еще другое считаешь ты принадлежностью славы? Подлинно он будет знаменитее не только царедворцев, но и самого облакающего в диадему, ради своих простых и изношенных одежд; потому что он не так изумлял бы всех, если бы носил золотую, или вернее пурпурную одежду, даже надевал на голову самый венец, сидел на шелковых коврах, ездил на мулах и был сопровождаем златоносными оруженосцами, как теперь, имея грязный и неопрятный вид, нося грубую одежду, шествуя без всяких спутников и без обуви. Ибо царские принадлежности установлены законами и стали обычными, и поэтому если бы кто стал с удивлением говорить о царе, что он одет в золотую одежду, то мы не только не удивимся, но и посмеемся этим словам, как не содержащим ничего необычного; но если о твоём сыне кто-нибудь, пришедши, скажет, что он, презрев отцовское богатство, отринув житейский блеск и став выше мирских надежд, удалился в пустыню и оделся в ветхую и худую одежду, то все тотчас сбегутся, и станут удивляться и восхвалять его за величие души. Притом, если цари подвергнутся многим нареканиям, золотые одежды нисколько не защитят их, тем более не возбудят удивления к ним; а он и одежками своими подаст много поводов к удивлению. Таким образом, самая одежда более царской делает его видным и знаменитым, если за эту никто еще не удивлялся царю, а за ту все будут изумляться облеченному ею. А что мне, скажешь ты, пользы во мнении и похвалах толпы? Но слава и состоит не в другом чем, а в этом. Я не нуждаюсь в ней, скажешь ты, а ищущий власти и чести? Но восхваляющие, конечно, будут и почитать. Если же ты желаешь власти и начальствования, то и это не меньше, чем предыдущее, мы найдем преимущественно у здешних. Можно бы объяснить это и примерами, но, обращаясь к наиболее утешительному для тебя способу, поведем речь применительно не к кому-нибудь другому, а к самому твоему сыну. Что ты считаешь доказательством величайшей силы? Не то ли, чтобы быть в состоянии мстить причиняющим огорчение и вознаграждать делающих добро? Но такой силы вполне нельзя найти даже у царя; потому что и ему причиняют огорчение многие, которым он не может воздать тем же, и делают добро многие, которых ему не легко вознаградить. Так на войнах часто врагам, причинившим множество огорчений и зол, он желал бы отомстить, но не может; и друзьям, оказавшим там великие заслуги, не может воздать соразмерных наград, когда они, предвосхищенными прежде воздаяния, падают в самой войне. Что же, если мы покажем, что твой сын обладает иною силою, гораздо большею той, которою, как доказало наше слово, не пользуются и цари? Никто впрочем, пусть не думает, что мы говорим о благах небесных, в которые ты не веруешь; мы не забыли обещаний; но мы будем заимствовать доказательства из того, что бывает здесь. Если величайшая сила состоит в том, чтобы быть в состоянии мстить оскорбившим; то гораздо выше ее – достигнуть такого состояния жизни, в котором никто, хотя бы и захотел, не может оскорбить нас. Что такое (состояние) выше того, это будет нам ясно и очевидно, когда обратимся к другому примеру. Скажи мне, что лучше, быть ли столь искусным в военных делах, чтобы никто из ранивших нас не убежал не раненным, или приобрести такое тело, которого бы никто, сколько бы ни старался, не может поранить? Для всякого очевидно, что последнее – могущественнее и божественнее первого. И не только одно это, но есть и еще даже высшее (могущество). Какое же это? Знание лекарств, которыми вылечиваются все раны. Итак, из трех видов могущества, первого – чтобы быть в состоянии мстить обидевшим; второго, высшего – чтобы и лечить собственные раны, а это, конечно, не всегда следует за первым, и третьего – чтобы не быть оскорбляемым ни от кого из людей, что конечно выше и природы человеческой, – сын твой, как мы доказали, обладает последним.

7. Для доказательства, что эти слова не пустой звук, мы в то самое время, как искали этого великого могущества, нашли другое, еще высшее и этого. Всякий может увидеть, что им (отшельникам) не только никто не может, но и не захочет сделать зло, так что сын твой вдвойне

пользуется безопасностью. Что же может быть блаженнее такой жизни, в которой никто и не захочет, а если бы и захотел, то не сможет сделать зла – особенно, когда нехотение происходит не от бессилия, как бывает со многими, но от того, что нельзя найти никакой к тому причины? Если бы неделание зла зависело только от бессилия, то оно было бы не так важно: даже ненависть родилась бы у тех, которые хотели бы, но не могут сделать зло. А это состояние заключает в себе не мало блаженства. Его мы, если угодно, и рассмотрим наперед. – Кто же скажи мне, захочет когда-нибудь причинить вред тому, у кого нет ничего общего с людьми, ни договоров, ни земли, ни денег, ни дел, ни чего-либо другого? За какое поместье станет спорить с ним, за каких рабов, за какую честь, по какому опасению, по какому оскорблению? Вредить другим побуждает нас либо зависть, либо страх, либо гнев. Но этот царственнейший человек выше всего. Кто позавидует тому, который смеется над всем тем, о чем другие бьются и хлопочут? Кто будет сердиться, не потерпев никакой обиды? Кто станет бояться, ничего не подозревая? Итак, ясно отсюда, что никто не захочет вредить ему; так же ясно и то, что не смогут, если и захотят; потому что нет ни случаев, ни поводов, почему бы кто напал на него; но как высоко парящий орел никогда не может быть уловлен сетью (расставленною) для воробьев, так точно и этот человек. Чем может кто повредить ему? Денег у него нет, чтобы угрожать ему потерей их; родины он не имеет, чтобы устрашать его ссылкой; славы он не ищет, чтобы обесславить его; остается одно – смерть; но ею в особенности никогда и не сможет огорчить его кто-либо, но еще принесет ему величайшую пользу, потому что поведет его к другой жизни, вожделенной для него, для которой он все делает и трудится, и которая для него – прекращение трудов, не наказание, но избавление и отдохновение от подвигов. Хочешь ли узнать и другой вид его могущества, еще более свойственный любомудрию? Если кто сделает ему множество зла, ударит его или свяжет, то тело его естественно поражается, но душа по любомудрию остается невредимою; она не увлекается гневом, не уловляется ненавистью, не побеждается враждою. И это еще не так важно; гораздо удивительнее этого вот что: он любит сделавших ему столько зла, как благодетелей и покровителей, и молится, чтобы у них было всякое благо. Что равное этому дал бы ты ему, если бы тысячу раз сделал его царем вселенной и продолжил это царствование на тысячи лет? Какой багряницы, какой власти, какой славы не почтеннее это приобретение? Чего бы не дал иной, чтобы получить такую душу? Мне кажется, что и страстные плотоугодники пожелали бы такой жизни. Хочешь ли и с другой стороны видеть еще более дивное и приятнейшее могущество этого мужа, – со стороны, хотя не возвышенной, но для тебя особенно приятной? Из сказанного видно, что он не уловим и неуязвим; но не желаешь ли знать, что он еще может покровительствовать другим и доставлять им совершенную безопасность? Первый вид покровительства состоит в том, чтобы и других довести до той же доблести и таким образом сделать их крепкими; если же они не захотят этого, но станут проводить жизнь более человеческую и земную, то и в ней также ты увидишь его, не имеющего ничего, имеющим больше могущества, чем ты, богач, и главным образом именно потому, что он ничего не имеет. Кто с большею смелостью станет беседовать с царем и высказывать укоризны? Ты ли, владеющий столь многими и поэтому ответственный пред слугами его, опасющийся за все и представляющий ему тысячи случаев, если бы он, разгневавшись, захотел огорчить тебя, или тот, стоящий выше рук его? С царями беседовали с великою смелостью особенно те, которые удалились от всего житейского. Кому скорее уступит и окажет внимание человек сильный и обращающийся во дворце: тебе ли, богачу, которого он подозревает, что часто многое делаешь для денег, или тому, у кого одно только побуждение для распоряжений – человеколюбие к другим? Кого он почтит и уважит: того ли, кого не может подозревать ни в чем низком, или того, кого считает ниже и слуг своих? Конечно, более слушаются этих (отшельников), ходатайствуют ли они о денежных выдачах, или о покровительстве.

8. Но, если хочешь, пусть он во всем успевает не чрез других, но сам собою: мы приведем какого-нибудь страдальца и к нему и к тебе, или лучше, не к тебе, а к самому царю, и посмот-

рим, кто более будет в силах помочь ему. Пусть первым подойдет пострадавший более всех других. Пусть будет это отец, имевший одного только сына и потерявший его во цвете возраста. Ему ни начальник, ни царь, ни другой кто не в состоянии будет помочь, равно как и ты; потому что не дашь ему ничего равного тому, что он потерял. А если ты приведешь его к твоему сыну, то он, прежде всего, ободрит его видом своим, одеждою и жилищем, и внушит ему считать за ничто все человеческое; а потом и словами легко рассеет облако. Из твоего же дома он вынесет еще больше печали; потому что, когда увидит он, что твой дом свободен от бедствий, исполнен великого благоденствия и имеет наследника, то будет еще более мучиться, тогда, как оттуда выйдет более спокойным и более любомудрым. Видя, что сын твой презрел такое имущество, такую славу и блеск, он будет не так сетовать об умершем; ибо как он будет сокрушаться о том, что у него нет наследника его имуществ, когда увидит, что другой презирает все это? И уроки любомудрия он легче выслушает от того, кто оправдывает их делами. Ты, как только осмелишься открыть уста, исполнишь его великого уныния, как философствующий о чужих бедствиях: а сын твой, поучая его делами, легко убедит, что смерть есть не больше, как сон; он не станет перечислять многих отцов, потерпевших то же, что и этот, но покажет, как сам он ежедневно при жизни в теле помышляет о смерти и всегда готов к ней, и, укрепив веру в учение о воскресении, таким образом, отпустит его с великим облегчением скорби; и его слова, подтверждаемые и делами, гораздо лучше и скорее могут успокоить страдальца, нежели соучастники в собраниях и пиршествах. Так он уврачует этого страдальца. Пусть будет приведен к нему, если хочешь и другой, от долговременной болезни лишившийся зрения. Чем ты можешь пособить такому? А твой сын, доказав, что в этом нет ничего страшного, тем, что сам заключился в малой келье, стремясь к иному свету и считая настоящее несколько не важным в сравнении с тамошним, научит мужественно переносить несчастье. А обижаемым можешь ли ты внушить любомудрие? Несколько; напротив, еще больше возмутишь, потому что мы обыкновенно яснее видим свои бедствия при благополучии ближних; сын же твой гораздо легче ободрит и этих. Не говорю уже о молитвенной помощи, которая важнее всего этого; не говорю потому, что моя речь теперь обращена к тебе. Если же ты хочешь, чтобы за сына почитали тебя и не презирали (вероятно, ты и этого желаешь), то не знаю, каким бы другим образом ты лучше достиг этого, чем имея сына, который стоит выше человеческой природы, является столь славным по всей вселенной и при такой славе не имеет ни одного врага. При том (мирском) могуществе, он был бы, хотя многими почитаем, но многими и ненавидим, а здесь все почитают его с удовольствием. Подлинно, если некоторые люди простые и низкого происхождения, сыновья поселян и ремесленников, приступив к этому любомудрию, сделались столь почтенными для всех, что никто из весьма знатных не стыдился входить в их жилище и разделять с ними беседу и трапезу, напротив чувствовали себя как бы получившими некоторые великие блага, что и на самом деле бывает; тем более они поступят так, когда увидят, что вступил в эту добродетельную жизнь человек знаменитого рода, блистательного состояния, имевший столько надежд. Таким образом, то, о чем ты более сетуешь, т. е., что он из мирской жизни перешел в (монашескую) это самое, больше всего и делает его знаменитым и всех побуждает смотреть на него не как на человека, но как на какого-нибудь ангела. Конечно, о нем не будут думать того, в чем подозревают других, будто, т. е. он избрал такой путь по честолюбию, по страсти к деньгам и по желанию сделаться из незнатного знатным. Если такие речи и о прочих ложны и суть *«словеса лукавствия»* «слова лукавые» (Псал. 140:4), то касательно твоего сына не могут внушить и подозрения.

9. Не думай, что это бывает только при благочестивых царях; но хотя бы и произошли перемены во власти и властители сделались неверующими, и тогда состояние сына твоего будет блистательнейшим. Наши дела не таковы, каковы у язычников, не мнениям властителей следуют, но держатся собственною силою, и тогда наиболее проявляются, когда подвергаются наибольшим нападениям; так и воин, хотя бывает уважаем и в мирное время, однако более

будет славен при наступлении войны. Таким образом, и при языческих властителях тебе будет столько же и даже больше чести. Ибо те, которые прежде уважали твоего сына, гораздо более станут поступать так, когда увидят его вступающим в борьбу, действующим с большою смелостью и представляющим много поводов к прославлению. Хочешь ли – мы рассмотрим и отношение его к тебе? Или излишне говорить об этом? Тот, кто в отношении к другим столь тих и кроток, что никому не подает повода к неудовольствию, тем более будет оказывать великое почтение отцу и станет угождать ему гораздо более теперь, чем когда бы достиг мирской власти. Облеченный великою властью, неизвестно, не стал ли бы он презирать и отца, а теперь он избрал такую жизнь, в которой он, хотя бы стал царственнее и царя, в отношении к тебе будет смиреннее всех. Таково наше любомудрие! Оно соединяет в одной душе качества, кажущиеся противоположными, смирение и высоту. Тогда по пристрастию к деньгам он, может быть, даже стал бы желать твой смерти; а теперь он молится, чтобы жизнь твоя продолжилась, так что и за это он удостоится блистательных венцов. Ибо не малая награда ожидает нас за почтение к родителям: нам заповедано чтить их, как владык (Сир. 3:7), угождать им и словом, и делом, если это не будет во вред благочестию. «Что можешь ты», говорится в Писании, «воздать им, как они тебе» (Сир.7:30)? Подумай же, в сколь превосходной степени может исполнить и эту добродетель тот, кто во всем прочем достиг верха совершенства. Если бы надобно было и умереть за твою голову, он не откажется, не только из уважения и угождения тебе по закону природы, но, прежде всего ради Бога, для которого он презрел вообще все прочее. Итак, если он теперь и почтеннее, и богаче, и могущественнее, и свободнее, и при таком величии духа, гораздо более послушен тебе, нежели прежде; то о чем, скажи мне, ты скорбишь? Не о том ли, что не беспокоишься каждый день, не пал бы он на войне, не прогневал бы царя, не подвергся бы ненависти соратников, как этого и еще большего бояться отцы детей, возвысившихся пред другими? Как поставившие дитя на каком-нибудь высоком месте невольно беспокоятся, как бы оно не упало: так и возводящие сыновей на высоту власти. – Но имеет некоторую приятность пояс, и плащ, и голос глашатая. На сколько же это дней, скажи мне? На тридцать, на сто, или вдвое больше? А что потом? Не пройдет ли все это, как сновидение, как басня, как тень? А теперь достоинства чести у сына твоего останутся до конца, даже по смерти, и тогда – еще больше; и этой власти никто не отнимет у него, потому что он возведен на нее не людьми, а самою добродетелью. Но ты хотел бы видеть его носящим дорогие одежды, разъезжающим на коне, имеющим множество слуг, кормящим туеядцев и льстецов? Зачем тебе хотелось бы этого? Не затем ли, чтобы чрез все это доставить ему удовольствие? Но если ты услышишь из уст его самого (нам, может быть, ты не поверишь), что свою жизнь он считает настолько приятнейшею жизни людей, пристрастных к роскоши, распутству, музыке, туеядцам и льстецам, и прочей суете, что предпочел бы тысячу смертей, если бы кто приказал ему, оставив первую приятную жизнь, перейти к последней: что скажешь ты на это? Или ты не знаешь, как приятна жизнь, чуждая забот? Может быть, и никто другой из людей не знает, еще не вкусив ее в ее чистоте. Если же присоединится еще знаменитость, и сойдутся вместе эти неудобосовместимые блага – безопасность и слава: то что может быть лучше такой жизни? – Но для чего, скажешь, ты говоришь это мне, стоящему далеко от любомудрия? – А для чего ты препятствуешь и сыну приблизиться к нему? Довольно, если этот недостаток останется при тебе. Не считаешь ли ты величайшим недостатком то, когда вы, не приобретши ничего доброго в первом возрасте, по достижении крайней старости ропщете на старость? – Но потому, скажешь, мы и ропщем на нее, что юность доставляла нам великие блага. – Какие великие блага? Укажи старца, у которого были бы эти великие блага. Если бы они были у него и оставались в действительности, то он не скорбел бы так, как бы не имеющий ничего такого. Если же они исчезли и пропали, то какие же они великие блага, исчезнув так скоро? Но сын твой не испытает этого; и, если достигнет глубокой старости, ты не увидишь его огорченным подобно вам, но веселящимся, радующимся и восхищающимся, потому что у него тогда еще более будут процветать блага.

Ваше богатство, хате бы доставляло множество благ, доставляет их только в первом возрасте; а его богатство не таково, но остается и в старости, сопутствует и по смерти. Поэтому вы, видя в старости, что ваше имущество умножается и вам представляется много средств к славе и роскоши, скорбите, потому что ваш возраст уже неспособен к наслаждению ими; поэтому и пред смертью вы трепещете и называете себя самыми несчастными особенно тогда, когда благоденствуете. Он же тогда особенно успокоится, когда состарится, так как скоро достигнет пристани и получит юность, всегда цветущую и никогда не склоняющуюся к старости. А ты хотел бы, чтобы сын твой наслаждался такими удовольствиями, в которых он тысячекратно раскаивался бы и скорбел, достигнув старости? Но да не наслаждаются ими никогда и враги ваши! Что я говорю о старости? – Эти удовольствия исчезают в один день, а лучше сказать, не в день и не в час, но в краткое и неприметное мгновение. Ибо в чем состоят эти удовольствия? Не в том ли, чтобы чревоугодничать, располагаться за роскошными трапезами и обращаться с красивыми женщинами, подобно свиньям валяясь в грязи?

10. Впрочем, теперь еще не об этом; рассмотрим сначала эти удовольствия, не пусты ли они и ничтожны, и, если угодно, наперед рассмотрим то, которое кажется более других приятным – наслаждение пищею. Покажи мне продолжительность его, сколько времени в день оно может занимать вас? Столько, что и приметить хорошо нельзя. Ибо как только кто насытился, то и лишился удовольствия, и даже прежде пресыщения оно проходит быстрее потока, исчезает в самой гортани и не способно идти далее вместе с пищею; потому что, лишь только пройдет чрез язык, уже и теряют сладость. Умалчиваю от прочих бедах и о том, какое расстройство бывает от пресыщения. Не пресытившийся не только бывает веселее, но и легче, и отдыхать будет лучше того, кто едва не расселся от пресыщения: «здоровый сон бывает», говорится в Писании, «при умеренности желудка» (Сир.31:22). Нужно ли говорить о болезнях, неприятностях, несчастных случайностях и напрасных издержках? Сколько от этих пиров возникает ссор, сколько козней, сколько обид? – А приятное обращение с развратными женщинами? Какое же может быть удовольствие в этом позоре? Впрочем, не будем пока говорить здесь ни об этом, ни о спорах любовников, ни о ссорах между соперниками и нареканиях. Положим, что кто-нибудь свободно наслаждается этою похотью, и не имеет соперника, и не пренебрегается возлюбленною; сыплет деньги как бы из источников; – хотя и никогда невозможно всему этому сойтись вместе, но необходимо не желающему иметь соперника растратить все свое состояние, чтобы превзойти щедростью всех других, а не желающему обеднеть, быть презренным и отвергнутым блудницею, – пусть, однако, не будет ничего этого, но все делается по его желанию: где же можешь ты показать нам удовольствие от этого? Его не оказывается даже во время самого удовлетворения похоти; удовлетворивший похоть уже лишился удовольствия и удовлетворяющий похоти находится не в удовольствии, но в смущении и беспокойстве, в возбуждении и безумии и в великом смятении и расстройстве. Не таково наше наслаждение, нет, оно навсегда оставляет душу невозмутимую, не причиняет ей никакого смятения и волнения, но доставляет радость, чистую и непорочную, достойную и бесконечную, – такую, которая гораздо сильнее и живее вашей. Наше наслаждение приятнее и потому, что ваше может быть уничтожено страхом; ибо, если бы царь издал указ, угрожающий за это удовольствие смертью, то большая часть людей отказалась бы от него; что же до нашего (наслаждения), то, хотя бы кто угрожал тысячею смертей, не только не убедит нас пренебрегать им, но скорее сам будет осмеян; настолько оно сильнее и приятнее вашего, и даже не допускает сравнения с ним. Не гневайся же на сына за то, что он от скоротечных или вернее недействительных благ перешел к действительным и постоянным; не плачь о нем, достойном быть убажваемым, но о том, кто не таков и кружится в настоящей жизни, как бы в Еврипе ⁶. А главное вот что: ты – неверующий и язычник; прими же хотя это слово. Ты, конечно, слышал о реках Кокитах и Пирифлегфонтах, о воде Стикса и

⁶ Еврип – бурный пролив у о. Еввси.

о тартаре, столько отстоящем от земли, сколько она от неба, и о многих видах наказаний. Хотя эллины, руководствовавшиеся своими умствованиями и нашими искаженными преданиями, и не могли по-истине сказать об этом, как оно есть: однако, они получили некоторое образное представление о суде; и ты найдешь, что и поэты, и философы, и ораторы, и все философствовали об этих предметах. Ты слышал также о Елисейском поле, и об островах блаженных, о лугах и миртах, о нежном ветре и великом благоухании, о хорах там обитающих и одетых в белую одежду, ликующих и воспевающих некоторые гимны, и вообще об ожидающем добрых и злых воздаянии по отшествии отсюда. Как же, ты думаешь, живут с такими мнениями добрые и недобрые? Одних, когда они думают об этом, хотя бы у них настоящая жизнь протекала беспечно и в великом удовольствии, не преследует ли, как бы какой бич, совесть и ожидание имеющих постигнуть их страданий; а добрые, хотя бы терпели тысячи зол, не питают ли, по словам Пиндара, целительной надежды, которая не дает им ощущать настоящих бедствий? Таким образом, и от этого у последних бывает больше удовольствия. Ибо гораздо лучше, начав временными трудами, закончить бесконечным успокоением, нежели, вкусив за краткое время мнимых приятностей, наконец, впасть в самые горькие и тяжкие бедствия. А когда при этом еще несомненно, что такая жизнь и здесь приятнее, то не должно ли теперь делать то, о чем я сказал вначале, жалеть тех, которые оплакивают такие блага? Подлинно, сын твой достоин не слез, но рукоплесканий и венцов, как пришедший к безмятежной жизни и в тихую пристань. — Но тебя порицают многие отцы, которых дети кружатся в настоящей жизни; другие, смотря на тебя, плачут, а иные смеются над тобою? Почему же ты еще больше не смеешься над ними и не плачешь? Мы должны смотреть не на то, смеются ли над нами, а хорошо ли и справедливо ли это делают; если так, то хотя бы и не смеялись, мы должны плакать; если же делают это несправедливо, то, хотя бы все смеялись, мы должны ублажать себя, а их оплакивать, как самых несчастных и ничем не отличающихся от безумных. Ибо смеяться над тем, что достойно великих похвал и венцов, свойственно безумным и больным подобно им. Не счел бы ты насмешкой, скажи мне, если бы тебя все стали хвалить, превозносить и называть блаженным за то, что сын твой пристрастился к безумному занятию плясунов и наездников? А что, если бы они стали смеяться и порицать его, когда бы он делал что-либо благородное и достойное похвал, не назвал бы ты их безумными? Так поступим и теперь: предоставим приговор о твоём сыне не мнению толпы, но тщательному обсуждению дела; и ты увидишь, что эти насмешники — отцы скорее рабов, а не свободных, если сравнивать их детей с твоим сыном. Теперь ты, омрачаемый скорбью, не можешь вникнуть в это; когда же немного успокоишься, и сын твой окажет великую добродетель, ты уже не будешь нуждаться в наших словах, но сам станешь другим говорить это и еще больше этого. Предсказываю тебе это не без основания, но по опыту. У меня был друг, имевший отца неверующего, богатого, уважаемого и во всех отношениях знаменитого. Этот отец сперва действовал чрез начальников, и грозил узами и, отняв у сына все, оставил его на чужой земле и без необходимой пищи, чтобы таким образом заставить его — возвратиться к мирской жизни; но когда увидел, что сын ничему этому не уступает, то, побежденный, запел иную песню; и теперь почитает и уважает сына более чем (своего) отца, и хотя имеет много и других детей почтенных, но говорит о них, что они негодны даже и в слуги тому, и сам чрез того сына сделался гораздо знаменитее. Это мы увидим и на твоём сыне; и что я не лгу, ты хорошо узнаешь на самом деле. Поэтому я смолкну, наконец, и только попрошу тебя, подожди один год или еще меньше времени, — для нашей добродетели не нужно много дней, потому что она возвращается божественною благодатью, — и ты увидишь, что все сказанное исполнится на самом деле, и не только похвалишь то, что уже сделано, но, если пожелаешь, хотя немного возвыситься, скоро и сам сделаешься подражателем ему, имея в сыне учителя добродетели.

СЛОВО ТРЕТЬЕ К ВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ

НАУЧИМ теперь и верующего отца, что не должно враждовать против тех, которые привлекают сына его к богоугодному. Конечно, можно опасаться, чтобы и это слово наше не оказалось излишним и не вышло противное тому, о чем я говорил прежде. Тогда я сказал, что закон борьбы не принуждает меня вступать против язычника, но что апостол Павел оставил нас свободными от состязания со внешними, повелев судить только внутренних (1 Кор.5:12). А теперь, как кажется, мы не обязаны и к этим прениям: если и прежде казалось постыдным беседовать об этом с христианином, тем более теперь. Ибо как не стыдно будет верующему нуждаться в увещании касательно того, в чем и неверующий ничего не может сказать против нас? Что же? Ужели мы, поэтому замолчим и ничего не скажем? Нет. Если бы кто-нибудь поручился за будущее и сделал для нас очевидным, что впредь никто не отважится на это, тогда следовало бы и нам успокоиться и предать прошедшее забвению; но так как мы не имеем ни одного достоверного поручителя в этом, то необходимо и словесное увещание. Если оно найдет страждущих такою болезнью, то сделает свое; а если никто не впадет в эту немощь, то желаемое нами исполнилось. И врачам, по изготовлении лекарств для больных, следует желать, чтобы больному не было и нужды в них: так и мы молимся, чтобы никому из наших братий не было нужды в этом увещании; если же она случится, — чего да не будет, — то, по пословице, не избежать им второго плаванья. — Итак, представим себе и верующего таким же, каков неверующий, подобным ему во всем, кроме понятия о Боге; пусть он и плачет также, и валяется у всех в ногах, и указывает на свои седины, и на старость, и на одиночество; пусть говорит все то же и, сколько хочет, возбуждает гнев в судьях. Впрочем, с ним суд у нас уже не пред людьми, потому что он слышал все, что у нас мужи, исполненные Духа Божия, любу мудрствовали о страшном и ужасном судилище по отшествии отсюда. И, прежде всего прочего ему должно напомнить о том дне, об огне текущем рекою, о пламени никогда не угасающем, о меркнущих лучах (солнца), о скрывающейся луне, о ниспадающих звездах, о свивающихся небесах, о колеблющихся силах (небесных), о потрясаемой со всех сторон и мятущейся земле, о страшном и непрерывном звуке труб, об ангелах, проходящих по вселенной, о тысячах предстоящих, о тьмах служащих, о грядущих с самим Судиею воинствах, о сияющем пред Ним знамении, о поставляемом престоле, о раскрываемых книгах, о неприступной славе, о страшном и ужасном гласе Судии, одних посылающего в огонь, уготованный диаволу и ангелам его, а для других затворяющего двери и после их великого подвига девства; одним из слуг Своих повелевающего связать плевелы и ввергнуть в пещь, а другим — сковать некоторым ноги и связать руки, отвести их во тьму кромешную и предать мучительному скрежету зубов; предающего тягчайшему и жесточайшему наказанию — одного за бесстыдные только взгляды, другого за неуместный смех, иного за то, что без исследования осудил ближнего, а другого и за то, что злословил (ближнего); а что и за это положено наказание, можно слышать от самого Судии, имеющего совершить наказание, в Его словах и угрозах. К этому Судии необходимо всем нам отойти отсюда и увидеть тот день, в который будет открыто и обнаружено все, т. е., не только дела и слова, но и самые помышления.

2. Тогда мы дадим страшный ответ и в том, что теперь кажется маловажным; ибо Судия с одинаковою строгостью требует от нас (попечения о) спасении нашем и наших ближних. Посему Павел везде убеждает, чтобы «никто» не искал «своего, но каждый [пользы] другого» (1 Кор.10:24); посему он и Коринфян сильно порицает за то, что они не попеклись и не позаботились о впадшем в прелюбодеяние, но оставили без внимания опасную рану его (1 Кор.5:1, 2); и в послании к Галатам говорит: «братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового» (Гал.6:1). А еще прежде их он убеждает к тому же самому и Фессалоникийцев, говоря: «посему увещивайте друг друга и назидайте один дру-

гого, как вы и делаете» (1Фесс.5:11); и еще: «вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых» (1Фесс.5:14). Дабы кто-нибудь не сказал: «что мне заботиться еще о других? – погибающий пусть погибает, а спасающийся пусть спасается; это нисколько меня не касается; мне велено смотреть за собою», – дабы кто-нибудь не сказал этого, Павел, желая истребить такую зверскую и бесчеловечную мысль, противопоставил ей такие законы, повелевая оставлять без внимания многое из своего, чтобы устраивать дела ближних, и требует во всем такой строгости жизни. Так и в послании к Римлянам он заповедует иметь великое попечение об этом долге, поставляя сильных как бы отцами для немощных и убеждая заботиться об их спасении (Римл.15:1). Но здесь он говорит это в виде увещания и совета, а в другом месте потрясает души слушающих с великою силою, когда говорит, что нерадящие о спасении братьев грешат против самого Христа и разрушают здание Божие (1 Кор.8:12). И это говорит он не от себя, но по наставлению Учителя. Ибо и Единородный (Сын) Божий, желая внушить, как обязателен этот долг, и что не желающих исполнять его ожидают великие бедствия, сказал: «а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Матф.18:6). И принесший талант подвергается наказанию не за то, что он пренебрег чем-нибудь собственным, но за то, что не радел о спасении ближних. Таким образом, хотя бы у нас все было хорошо устроено в нашей жизни, нет нам никакой пользы, потому что и того греха довольно, чтобы ввергнуть нас в геенскую пучину. Если и тех, которые не хотели помогать ближнему в телесных нуждах, не спасет никакое объяснение, так что, хотя бы они и подвиг девства совершили, будут все-таки извержены из брачного чертога; то опустивший гораздо важнейшее (потому что попечение о душе гораздо важнее) – не потерпит ли по справедливости все бедствия? Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе самому, но – и многим другим. Посему и Павел называет верующих «святилами» (Филип.2:15), выражая, что они должны быть полезны и другим, ибо светило не было бы и светилом, доколе освещало бы только себя. Поэтому он нерадящих о ближних называет худшими даже язычников в следующих словах: «если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1Тим.5:8). Что же он хочет здесь означить словом: «не печется»? Доставление ли необходимого? Я думаю, что он разумеет попечение о душе: если же ты не согласишься, то тогда мое мнение будет еще более твердым. Ибо если он говорит это о теле, предает такому наказанию и называет худшим язычников не подающего этой ежедневной пищи; то где будет место тому, кто небрежет о важнейшем, о необходимейшем?

3. Рассудим же теперь о важности нашего греха и, восходя мало-помалу, покажем, что нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия. Так, первая степень порочности, нечестия и жестокости – есть небрежение о друзьях. Впрочем, сведем слово еще ниже; не знаю, как это я едва не забыл, что прежний закон, данный иудеям, не позволяет пренебрегать и скотами врагов – или упавшими, или заблудившимися, но повелевает этих привести, а тех поднять (Исх.23:4, 5). Итак, первая, снизу идущая, степень порочности и жестокости – оставлять без внимания рабочий и домашний скот врагов, когда он страждет; а вторая за ней высшая – не радеть о самих врагах; потому что насколько человек превосходнее бессловесного, настолько этот грех больше того; третья за этою (степень) – презирать братьев, хотя бы они были и незнакомые; четвертая – не радеть о домашних; пятая – когда небрежем не только об их теле, но и о погибающей душе; шестая, – когда беспечно смотрим на гибель не только домашних, но и детей наших; седьмая – когда не ищем и других, кто бы о них позаботился, восьмая – когда и тем, которые сами собою хотят это делать, препятствуем и запрещаем; девятая – когда не только препятствуем, но и восстаем против них. Таким образом, если наказание постигнет первую, вторую и третью степень этой порочности, то какой огонь будет следовать превзошедшей все прочие, вашей, именно девятой степени? Даже можно безошибочно назвать ее не только девятою, или десятою, но и одиннадцатою. Почему? Потому, что этот грех

не только по существу своему гораздо важнее прежде исчисленных, но и по времени более тяжел. Что же значит это *по времени*? То, что если мы теперь будем совершать грехи одинаковые с подзаконными, то подвергнемся не одинаковым наказаниям, но гораздо тяжчайшим, насколько больший мы получили дар, совершеннейшее приняли учение и большую почтенны честью. Итак, если этот грех так тяжок и по существу и по времени, подумай, какое пламя низведет он наголову дерзающих совершить его? И что я так рассуждаю не без основания, докажу это действительным событием, дабы вы знали, что, хотя бы у нас все наше было благоустроено, мы подвергнемся крайнему наказанию, если не радеем о спасении детей. Расскажу вам не своими словами, но содержащимися в божественном Писании. Был у иудеев один священник, человек скромный и кроткий; имя ему было Илий. Этот Илий делается отцом двух сыновей. Видя, что они предаются нечестию, он не удерживал их и не останавливал, или вернее – он удерживал и останавливал, но делал это не с надлежащим усердием. А проступки этих сыновей состояли в любодения и чревоугодии. Они, говорится (в Писании), ели священные мяса прежде их освящения и прежде возношения жертвы Богу (1 Цар.2:15,16). Слыша об этом, отец не наказывал их, а пытался словом и убеждением отклонить их от этого нечестия, и постоянно говорил им такие слова: «нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу: вы развращаете народ Господень; если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем» (1 Цар.2:24,25)? Очень сильные и поразительные слова, достаточные для вразумления того, у кого есть ум! Он выставлял на вид грех, показывал его ужас, объявлял и угрожающее за него тяжкое и страшное осуждение; однако же, так как не все сделал, что следовало, то и сам погиб вместе с ними. Следовало бы и усилить угрозы, и прогнать их с глаз своих, и наказать бичами, и быть гораздо более строгим и суровым. А так как он ничего этого не сделал, то разгневал Бога и против себя и против них, и, оказав неуместное снисхождение к своим детям, вместе с детьми погубил и свое спасение. Послушай, что Бог говорит ему, или вернее – уже не ему, потому что его Он признал уже недостойным ответа; но, как тяжко провинившемуся рабу, дает ему знать об угрожающих ему бедствиях через другого. Таков был тогда гнев Божий! Послушай же, что говорит (Бог) об учителе его ученику; потому что лучше хотел говорить о его бедствиях и ученику, и другому пророку, и всем, нежели ему, – так окончательно отвратился от него! Что же Он говорит Самуилу? (Илий) «знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их» (1 Цар.3:13); не то, чтобы не вразумлял: он и вразумлял, но Бог говорит, что это еще не вразумление, и отверг его, потому что оно было без силы и настойчивости. Так, если и мы, хотя печемся о детях, но не столько, сколько нужно, то и наше попечение не есть попечение, как и Илиево вразумление. Сказав о преступлении, (Господь) с великим гневом налагает и наказание: «посему клянусь», говорит Он, «дому Илия, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек» (1 Цар.3:14). Видишь, какое сильное негодование и наказание без надежды на пощаду? Неизбежно, говорит, должно ему погибнуть, и не только ему и сыновьям его, но вместе с ним и всему дому, и не будет никакого врачевства, которое бы исцелило эту рану. Между тем Бог ни за что другое, кроме беспечности о детях, не мог тогда винить этого старца дивного во всем другом, которого все любомудрие можно видеть не только из других, но и из самых обстоятельств угрожавшего ему несчастья. Так, во-первых, когда он услышал обо всем этом и увидел себя на пути к крайнему наказанию, то не стал роптать и негодовать, не сказал ничего такого, что обыкновенно говорят люди: «разве я властен в чужой воле? – за свои грехи я должен нести наказание, а дети сами в возрасте, сами только и должны бы быть наказаны». Ничего такого он и не сказал и не подумал, но, как благонамеренный раб, только то и знающий, чтобы благодушно переносить все от господина, хотя бы и неприятное, произнес такие, преисполненные любомудрия, слова: «Он – Господь; что Ему угодно, то да сотворит» (1 Цар.3:18). И не отсюда только, но и из другого случая можно увидеть доблесть его. Когда во время постигшей иудеев войны, некто пришел и рассказал о несчастьях на этой войне, и о том, как дети

его постыдно и бедственно пали в сражении, он выслушал это спокойно; когда же тот к (вести об) этом поражении присовокупил (весть) о взятии врагами кивота, тогда помрачившийся от скорби старец «упал с седалища навзничь у ворот, сломал себе хребет и умер; ибо он [был] стар и тяжел. Был же он судьей Израиля сорок лет» (1Цар.4:18). Если же священника, – престарелого, знаменитого, двадцать лет безукоризненно начальствовавшего над еврейским народом, – жившего во времена, не требовавшие великой строгости, ни одно из этих обстоятельств не могло извинить, но он погиб ужасно и бедственно за то, что не заботился о детях с полным вниманием, и грех этой слабости, как сильная и великая волна, превысил все прочее и закрыл все добрые дела его; то какое осуждение постигнет нас, которые живем во времена, требующие гораздо большего любомудрия, но не имеем и его добродетели, и не только сами не имеем попечения о детях, но и против желающих делать это строим козни и восстаем, и относимся к детям своим хуже всякого варвара? Ибо жестокость варваров доводит только до рабства, до опустошения и пленения отечества, и вообще до бедствий телесных; а вы поработаете самую душу, и, связав ее как какую-нибудь пленницу, передаете, таким образом, лукавым и свирепым демонам и их страстям. Именно это, а не другое что делаете вы, когда и сами не внушаете (детям) ничего духовного, и другим делать это не позволяете. Пусть никто не говорит мне, что многие, больше Илия не радевшие о своих детях, не потерпели ничего такого, что Илий: нет, многократно терпели, и многие, и более того тяжкое, и за такой же грех. Ибо откуда преждевременные смерти? Откуда тяжкие и продолжительные болезни, и у нас, и у наших детей? Откуда потери, откуда несчастья, откуда огорчения, откуда бесчисленное множество зол? Не от небрежения ли о порочных детях? Что это не вымысел, достаточно могут свидетельствовать и бедствия этого старца, но я скажу вам еще слово об этом одного из наших мудрецов. Он, рассуждая о детях, говорит так: «не радуйся о сыновьях нечестивых, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь» (Сир.16:1,2); ты зарыдаешь плачем преждевременным, и неожиданно узнаешь об их гибели. Итак, многие, как я сказал, потерпели много подобного, если же некоторые и избегли, то не до конца избегнут, но – на зло своей голове, потому что понесут жесточайшее наказание по отшествию отсюда. Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел. С другой стороны, если бы было так, то весь род наш давно бы уже прекратился и исчез. Но, чтобы и этого не случилось, и от замедления суда многие не сделались беспечнее, Бог, избирая некоторых виновных во грехах и наказывая здесь, чрез них и прочим показывает меру угрожающих им наказаний, чтобы они знали, что, если они здесь и не потерпят наказания, то, без сомнения, понесут более тяжкое по отшествии туда. Не будем же бесчувственными оттого, что Бог теперь не посылает пророка и не предвозвещает наказания, как было с Илией, потому что теперь не время пророков, впрочем, Он посылает их и теперь. Откуда это известно нам? «У них есть», говорит (Господь), «Моисей и пророки» (Лук.16:29). Сказанное древним сказано также и нам; и Бог говорит не одному Илию, но, через него и его страдания, всем, подобно ему согрешающим. Бог нелицеприятен, и если Он так истребил со всем домом менее виновного, то не оставит без наказания совершивших более тяжкие преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.